

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки
Церковь
и демоны

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки.
Церковь и демоны
Серия «Ричард Длинные
Руки», книга 56

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51401472
Ричард Длинные Руки. Церковь и демоны: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-102080-4

Аннотация

Мир ловил меня, но не поймал, сказал Григорий Сковорода на смертном одре, говоря о мирском, суетном, не имеющем настоящей ценности. Император должен бдить насчет своей империи. Сэр Ричард, конечно, бдит, но враг очнулся и уже объявил охоту на узурпатора.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	60
Глава 7	72
Глава 8	81
Глава 9	94
Глава 10	103
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Гай Юлий Орловский Ричард Длинные Руки Церковь и демоны

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Орловский Г. Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Часть первая

Глава 1

Лорд-канцлер, довольный и сияющий, выпрямился и смотрит счастливыми глазами, а кончики длинных седых усов поднялись, указывая в потолок.

За канцлером такие же торжествующие Грейгер Армстронг и граф Никлас Томандер, все в блистающих золотым шитьем камзолах с витыми шнурами и в цветных лентах, держатся скромно, но лица излучают полное удовлетворение проделанной работой.

– Сэр Джуллиан, – произнес я, – ценю ваше усердие. Переговорим чуть позже.

Он воскликнул патетически:

– Но, ваше величество!

– Дорогой сэр Джуллиан, – прервал его я державным голосом, он должен ощутить, я не в том настроении, чтобы давать на меня или пытаться навязывать какие-то действия, даже крайне важные для империи, – я высоко ценю проделанную вами работу!

Он заулыбался, но во взгляде промелькнуло некое опасение.

– Ваше величество...

– Но в данное время, – продолжал я, повышая голос, – как вы наверняка знаете, разгораются мятежи, бунты и прочие демократические радости как простой черни, так и простых удельных князей. Местные лорды наконец-то поверили, что конца света не будет, спешно захватывают троны, пока короли в убежищах.

Он замер, посерьезнел, кончики усов чуть опустились.

– А присяга императору?

– Похерену, – ответил я жестко. – Придется всех сгибать заново! А кого-то и ломать через колено. Дворцовые мероприятия откладываются на неопределенное время. Пока не разгребемся. Даже слушать не хочу гениальные ходы насчет моих любовниц! Все потом, потом. Правила и протоколы отходят на задний план, ввиду чрезвычайности и гуманизма военного положения.

Он краснел и бледнел, несколько раз открывал рот и пытался возразить, но я давил его взглядом, напоминая, что перед ним не просто император, крепко всаженный в узкие рамки протокола, а военный вождь, завоеватель с Багровой Звезды Зла, а моя вежливость вовсе не признак слабости или желания идти на компромиссы.

Наконец он сдался, судя по весьма поникшему виду и совсем уж опустившимся кончикам усов.

– Ваше величество, – произнес он упавшим и почти плачущим голосом, – как изволите...

– Но потом, – закончил я другим голосом, чтобы не пре-

вращать его положение в поражение, – мы изволим вернуться к этому важнейшему для мира и прогресса вопросу!.. Без которого, как вижу, и жить нельзя. А сейчас отбываю ненадолго... хотя точно не знаю, насколько. Все будет, сэра Джуллиан! И будет много.

Гвардейцы по моему жесту пошли следом, давая понять, что утренняя прогулка императора идет согласно протоколу, однако его величество желает пообщаться наедине с идущим с ним рядом герцогом Альбрехтом, который вот-вот будет возведен в принцы, – слух уже пошел по двору.

Альбрехт двигается рядом молча, чувствует, насколько я взведен. В самом деле, словно тетива арбалета, натянутая до конца ложа, надеюсь, заметно только ему, но он не выказывает ни словом, ни жестом.

Багрово-желтый жостокор за это время сменил на золотисто-пурпурный, уже не просто копирует моду, но, уловив тренд, что-то меняет, дополняет, вчера вообще был в оранжевом халате, хотя не халат, как сразу объяснил свысока северным невеждам, а некая верхняя одежда, но не вульгарный плащ, разумеется. Сейчас белоснежный платок навернут вокруг шеи в несколько слоев, выглядит как взбитая морская пена, а конец опускается до живота, явно из такой вот хрени появится позже галстук.

Белоснежнейшие манжеты чуть ли не от локтей до середины кистей, крепких, загорелых и привыкших к рифленой рукояти меча, но в таком одеянии тоже смотрятся весьма

странно и вызывающе.

Когда молчание затянулось, он начал выказывать нетерпение, я собрался и сказал как можно благодуще:

– Да все хорошо, принц. Вы прям конфетка!.. Можно картину с вас писать. Правда, не совсем пристойную, но вы же непристойности уже любите, как здесь принято и почти введено в закон.

Он поклонился и произнес холодноватым тоном, всем видом выказывая, что не приемлет легкости:

– В столице все меньше наших людей, ваше величество. Охрана города целиком на местных. Под рукой сэра Титуса людей с оружием больше, чем у нас в Волсингсборе. Даже дворцовую охрану пришлось уменьшить...

– Что случилось?

– Граф Келляве в полночь поднял по тревоге и увел почти половину в королевство Клаузельд. Это далеко, но когда есть багеры, то близко.

– Титус и Юстер мне преданы, – заверил я, хотя под ложечкой заныло, – обласканы и повышены, так что сделают все, чтобы удержать ситуацию и нашу власть в столице. А Келляве молодец, среагировал моментально. Пожар нужно залить кровью, пока не разгорелся!

Он покосился через плечо, придворные из особого списка, допущенные сопровождать мое величество на прогулке, – это великая привилегия, чинно следуют за нами на строго отмеренном расстоянии, указанном в протоколе,

ожидая, когда император изволит говорить с кем-либо без посторонних ушей.

В остальное же время идут сзади, как стая гусей, разве что не гогочут, благородным людям неприлично и даже непристойно вести себя как простолюдины на ярмарке.

Он еще раз оглянулся, словно бы невзначай, понизил голос:

– Что-то придумали?

– Позже, – ответил я. – Простите, дорогой друг, мне необходимо уединиться.

Он остановился и сказал вдогонку:

– Для молитвы, надеюсь?

Я торопливо вернулся к главному зданию дворца, а оттуда быстрыми шагами прошел в кабинет, кивнул Хрурту, чтобы запер дверь и никого не впускал, а сам должен бдительно по ту сторону.

В кабинете полная тишина, я вздохнул и сказал тихонько:

– Здравствуйте, Карл. Если еще и у вас такие же новости, повешусь на ремне от пояса. Что случилось? Великие Маги уже вышли в ярости и строят Башни заново?.. Или Скагеррак решил устроить мятеж? Переузурпировать власть?

Он выдвинулся из незримости, все в том же темном халате без всяких звезд и комет, что так любят маги низшего разряда, в широкополой шляпе с высоким верхом и, конечно, с невзрачным с виду посохом в руке, маги его уровня избегают заметных атрибутов.

– Здравствуйте, ваше величество. Давно заметили?

– Сразу, – ответил я, – как появились за розовыми кустами по ту сторону фонтана. Я не стал утруждать прогулкой еще и ваши дряхлые кости, тут же повернул обратно.

Он кивнул, очень довольный.

– Очень дряхлые, ваше величество. Даже не представляете насколько.

– Адама застали еще молодым, – спросил я, – или уже в возрасте? А как выглядел Каин? Правда ли, что он был хромым, как Гефест?

Он улыбнулся.

– Ну, не настолько я древний... Вижу, вы всегда настороже, ваше величество... Похвально.

Я спросил с подозрением:

– Тогда что задумали? Простите, Карл, но на меня сейчас сыплются только паршивые новости!

Он выставил перед собой ладони.

– Сэр Ричард, за Скагерраком наблюдают знающие люди. Если что, сообщат сразу. Там я оставил на время Зейса, он не может передвигаться так быстро, как я, зато в состоянии сообщить, это умеет. А дело, с которым примчался я, в самом деле чрезвычайно важное. Вы даже не представляете.

Я кивнул на кресла у стола.

– Садитесь.

Он сделал два шага, остановился, глядя на меня. Я спохватился, досадливо махнул рукой.

– Да садитесь же, не меряйтесь, кто из нас старше. Вы по возрасту точно обходите. Кофе?

Он опустился за стол вслед за мной, продолжая рассматривать меня блестящими от любопытства глазами.

– Буду рад, ваше величество. Я могу многое, но такой напиток создать не удастся. Признаюсь, пытался.

Я откинулся на спинку кресла, чувствуя его мягкость и надежность, взглянул на стол, и через секунду на столешнице проявились две чашки.

Как только от них упала тень, я взял свою, Карл-Антон неспешно протянул руку к другой.

Я потребовал в нетерпении:

– Карл, у меня земля горит под ногами. Горит и плавится. Да-да, земля тоже может плавиться. Надеюсь, вы не для разговоров о философии? Я их обожаю, это же повод ничего не делать, зато с апломбом изображать занятость, но сейчас не то время.

Он задержал чашку у рта, глядя поверх ее края на меня все теми же блестящими и очень живыми глазами.

– Ваше величество, вы дивно проницательны.

– Сэр Ричард, – напомнил я. – Мы же маги, к чему нам церемонии?

– Сэр Ричард, – повторил он, – есть еще одно соображение. Думаю, для вас это неожиданность, но я бы назвал ее скорее приятной, чем... гм...

– Да что случилось? – спросил я в нетерпении.

– Великие Маги, – произнес он медленно. – Мне кажется, главные неприятности ждете от них?

Я зло огрызнулся:

– А вы как думали? Из пещер уже начался исход! Возможно, Великие Маги сейчас ищут и не могут найти свои Башни! И даже в упор не видят. А завтра придут и спросят, куда их дел!

Он выпрямился в кресле, но не откинулся на спинку, это невежливо в присутствии императора, взглянул мне в глаза с некоторой величавой торжественностью.

– Сэр Ричард... даже не знаю, как вам это сказать...

– Да говорите же, – сказал я уже в нарастающей тревоге. – Что-то стряслось еще?

– Да, – ответил он. – Случилось. Как вы говорите, весьма. И даже весьма зело. Вы как-то сравнивали себя со слоном в посудной лавке?

Я ощутил, как в животе потяжелело, словно проглотил глыбу льда.

– Что я натворил на этот раз?

– Как обычно, – ответил он. – Действуете отважно и решительно! Не продумывая последствий. Чаще всего во вред. Даже обычно во вред. Хотя иногда и на пользу. Сейчас, так вообще... В общем, проблему долгого и мучительного противостояния с Великими Магами вы решили! Нечаянно, но в своей парадоксальной манере.

Я потребовал:

– Давайте яснее.

Он сделал глоток, я сжался в комок нервов, у чародея в широком рукаве его старого халата что-то особое, иначе бы так не тянул, продолжая рассматривать меня не по возрасту живыми глазами.

– Вы совершенно нечаянно, – повторил он, – решили еще одну проблему. Очень, вообще-то, опасную, так что вам честь и хвала.

Я спросил настороженно:

– Какую такую?

– Когда уничтожили Башни Великих Магов, – сказал он тем же тоном, – преследовали какую цель?..

– Цель уничтожить Башни Великих Магов, – отрезал я. – А что, меня можно заподозрить в каких-то хитрых ходах? Да я сама чистота и невинность, вроде нильского бегемота, что из воды не вылезает!

Он посмотрел внимательно, словно надеялся увидеть какие-то хитрости на моем лице, ага, щас увидит. Если сказал, что сама чистота и невинность, то да, как раз сама чистота и невинность, держите карманы шире!

– Боюсь, – произнес он неспешно и, сделав легкий глоток, некоторое время прислушивался к ощущениям, – боюсь... вам придется слишком долго ждать, когда Великие Маги покинут убежища и поднимутся наверх. А ведь ждете?

Я ответил с угрюмой злостью:

– А вы как думаете? Я же сокрушил только Башни, но са-

мые ценные кольца, браслеты и прочие вещицы унесли с собой или на себе! А я даже не представляю, на что они способны.

– Кольца?

– И Маги.

Глава 2

Он настолько неспешно отпивал кофе мелкими глотками, явно смакуя, что я начал злиться, но терпел, чувствуя подвох. Карл-Антон неспроста демонстративно наслаждается как самим кофе, так и моим нетерпением, что-то прячет в рукаве.

– Боюсь, – произнес он так же неторопливо, – вам придется ждать слишком долго... Хотя почему боюсь? Я рад за вас, ваше величество. А еще больше за нас, за наше чутье, что пошли за таким удачливым...

– ...сукиным сыном? – досказал я ворчливо. – Но-но! Так что там для нас удачное?

Он все же не мог удержать торжествующую улыбку, прямо распирает и рвется, сказал почти неприлично танцующим голосом:

– Ваше величество... простите, сэръ Ричард, маги Великих Башен помнят предыдущие визиты Багровой Звезды. Они почти бессмертные!

Я зябко передернул плечами.

– Страшно о таком и подумать. Ну говорите же!

– Этот странный мир Юга, – продолжил он так, словно сообщал великую тайну. – Столько здесь нового и непознанного! Мы счастливы, ваше величество. Зейс поет на работе, представляете?.. Чтобы Зейс да пел!.. Ах да, нам удалось по-

нять, что жизнь Великих Магов за пределами человеческой обеспечивала великая мощь магии, накопленная в камнях башен.

Он умолк и смотрел на меня с нескрываемым торжеством, слишком огромным, чтобы утаить, а я тоже застыл, хотя меня не так просто застать врасплох.

– Карл, – сказал я сразу охрипшим голосом, – вы намекаете...

Он удивился:

– Намекаю? Без башни маг живет как все люди и умирает от старости. Но мощь магии, накопленная в стенах, дает им вечную жизнь. Потому и уходят в пещеры прямо под башнями! Магия хоть и слабеет с расстоянием, но до них дотягивается. Я имею в виду, что уходят не так уж и глубоко. Или так, чтобы по туннелям магия до них дотягивалась...

Я проговорил пересохшим горлом:

– Так это же...

Спохватившись, что держу в руке пустую чашку, торопливо сотворил два фужера с вином. Карл-Антон взял один и приподнял на уровень глаз.

– За вашу удачу, сэра Ричард. Решившись нанести удар по Башням, чтобы лишить Великих Магов мощи, вы лишили их гораздо большего.

– Это нечаянно, – проговорил я с запинкой. – И что... в самом деле?

Он кивнул.

– В самом.

– То есть, – проговорил я, все еще страшась поверить, – они...

Он пояснил с мрачной торжественностью:

– Великие Маги давным-давно прожили тот срок жизни, что отмерен им судьбой. Дальше только за счет своих знаний и могучей магии, собранной в камнях стен... Как говорите, знания – сила?

– Это умнее меня сказали, – ответил я, – а я как попугай повторяю за людьми, у которых длинные бороды и длинные жизни. Доверчивый я!

Он сделал глоток, посмаковал, катая во рту, отпил снова и только тогда продолжал:

– Потому Великие Маги никогда не покидали Башен. Вы уничтожили Башни полностью, а с ними прервали и жизни Великих Магов. Они практически были всеильны и бессмертны, но только в Башнях.

Я сказал трясущимся голосом:

– Даже боюсь и поверить... К счастью, это получилось нечаянно, я вовсе не собирался их убивать! Но не знаю, как бы договаривался.

– Не получилось бы, – ответил он с сочувствием. – Маги взлетели слишком высоко. С их высоты императоры такие же насекомые, как и простолюдины. Мощь Великих Магов позволяла двигать горы!.. Как такие люди захотят с вами о чем-то разговаривать на равных?.. Ваше величество, что по-

лучилось, то получилось. Примите это и живите дальше.

Я осушил содержимое фужера почти залпом, без раздумий сотворил еще, спохватился и сделал такой же чародею.

Он наблюдал за мной с живейшим интересом тренера, который прожил тысячу лет и всяких повидал людей, но я вот заинтересовал, а сейчас интересую все больше.

– Полегчало?

Я выдохнул с таким чувством, словно с груди скатился камень, который Сизиф втаскивал на гору.

– Карл... а я все мечтал, когда же мне повезет хоть раз!.. Ну почему всегда через тернии, почему всегда обламывая ногти, на последнем издыхании, на краю бездны!..

Он широко улыбнулся, я видел, что и ему радостно от такой удачи.

– Ваше величество, вроде бы нехорошо радоваться гибели людей, да еще с такими знаниями, но, с другой стороны, не будет изнурительной войны с Великими Магами! Это же огромные жертвы с обеих сторон. Вашему Маркусу пришлось бы выжигать целые королевства, а какие-то обрушивать в тартарары вместе с Великими Магами!

– Голова кругом, – признался я. – Такая гора с плеч, что я почти летаю. Не могу прийти в себя. Легкость в мыслях и воспарение... Хоть сейчас арфу в руки. Или лучше лиру, та поменьше.

Он сказал почти отечески:

– Вы император, вам и повезло по-императорски. Нужно

теперь объявить о вашей великой победе. Ни слова о том, что вы сами не ожидали!

Я взглянул с изумлением.

– Может, просто промолчать? Неловко как-то присваивать себе заслугу того, что вышло само.

Он покачал головой.

– Даже я, не политик, и то понимаю: императору придется врать чаще, чем грузчику. Вам всегда сопутствовал заслуженный успех, но когда-то же должна быть и простая удача?

– Наполеон говаривал, – сказал я, – в сражениях нужно просчитывать девять из десяти, а один момент оставлять на удачу.

– Это же прекрасно, ваше величество!

– Но сейчас я, похоже, эту удачу израсходовал на сто лет вперед.

Он счастливо улыбался, но посерьезнел и сказал другим тоном:

– Однако, ваше величество...

– Что?

– Вы уже пришли к решению, как это подать?

– Не понял, – ответил я.

– Нельзя признаваться в случайной удаче, – пояснил он с терпением опытного наставника, что втолковывает туповатому ученику, исполненному рыцарских доблестей. – Это снизит ваш...

– Рейтинг?

Он взглянул внимательно.

– И термин уже есть? А я думал, как сформулировать... Уверен, вы в интересах дела подадите так, что заранее все продумали и осуществили с блеском!

Я покачал головой.

– Все время говорил своим, что вот-вот Великие Маги вылезут и всем зададут.

Он пояснил:

– А это чтоб не отдыхали в этом отвратительно роскошном мире, а были наготове и трудились не покладая рук. И чтобы мечи продолжали оставлять у изголовья кроватей!

– Карл, – сказал я после паузы, – метите в политики?

Он даже отшатнулся в негодовании.

– Сэр Ричард! Я сибарит, люблю жить в свое удовольствие. Политики, что бы о них ни говорили, живут для общества. За долгую жизнь понял, мир должен быть таким, каким хотим видеть, а не какой на самом деле. Потому говорите всем то, что нужно.

Он поднялся, отвесил учтивый, но в то же время дружеский поклон, ухитряясь не переходить грань, что выглядит амикошонством.

– Спасибо за вино и кофе, ваше величество!

– Вам спасибо, – ответил я и тоже поднялся. – Такой камень с души, такой камень...

Он сделал движение в сторону двери, улыбнулся и раста-

ял в воздухе, оставив после себя свежий морозный воздух и снежинки на полу.

Я опустил за стол и сжал голову ладонями. Значит, у магов и в подземельях оставалась подпитка мощью от Башен за счет того, что укрытия роют прямо под ними и даже если башню разрушить, камни по-прежнему сохраняют накопленную магию.

Возможно, именно потому самые ценные кольца и амулеты упрятаны в крепкие шкапулки. Посланные магами демоны могут отыскать их даже под завалами, вытащить и вернуть хозяевам. Или не хозяевам, тут уж кому повезет найти и ухватить первым.

Но Маркус на этот раз не разрушил Башни, а просто сжег их, распылил на атомы.

К счастью, я ничего не мог придумать лучше, как именно сжечь. А чтобы наверняка, пропалил на глубину, на какую, по моим прикидкам, могли уходить подземные помещения.

Конечно, на магов и не замахивался, тогда еще вообще не знал, что прячутся именно прямо под башнями, хоть и на достаточной для безопасности глубине.

И уж конечно, не мог знать эту сокровенную тайну, что их бесконечная жизнь зависит от камней Башни и может продолжаться только в Башнях или рядом с ними.

– Хрурт, – крикнул я, – не спи там! Передай, пусть вызовут герцога Гуммельсберга.

Через минуту Хрурт вернулся в комнату и сел на стульчик

возле двери. По ту сторону в коридоре точно так же сидит Периальд или Ульман, эта тройца со мной еще с самого первого моего клочка земли в Амальфи, бдят, преданы и горды, что проделали такой путь.

В какой-то момент я поднял голову, Хрурт смотрит неотрывно и с тревогой на лице.

– Что-то случилось?

Он поспешно помотал головой.

– Нет-нет, сэра Ричард. Просто вы не двигаетесь уже полчаса, будто окаменели...

Я поднялся, суставы затрещали, в самом деле что-то замечтался, хотя для народа я мыслил о высоком, расправил плечи и потянулся.

– Да все в порядке.

– Что-то нужно?

– Просто бди, – велел я.

Он заметно расслабился, а я подошел к карте великой империи, что теперь мой личный огород, но о чем бы ни пытался думать, мысли возвращаются к Великим Магам.

Не просто гора с плеч, а целый горный хребет. Я даже себе не признавался, до какого свинячьего визга трусил от предстоящего столкновения с Великими Магами. Даже без Башен они представляли огромную силу, все-таки у каждого могучие амулеты с собой, кольца и прочие штуки, с помощью которых могут вызвать армию слепо послушных демонов...

Жаль, все погибло. В Башнях оставили всякую мелочь, я и той был рад, а они такую ерунду могли бы создать снова по щелчку пальцев, а вот самые мощные талисманы взяли в убежища.

Повздыхав по утерянным возможностям, я заставил себя сесть за стол и сосредоточиться на неотложных проблемах, но что-то мешало, толкалось локтями в мозг, шебуршилось и беспокоило. Неспешно всплыла непрошенная мысль, что если Великие Маги так зависели от ауры накопленной в камнях Башен магии, то не могли удалиться слишком далеко в глубины земли.

Да, им важно было оставаться на каком-то критичном расстоянии от подвальных камней Башен, чтобы те еще поддерживали им жизнь. Когда Багровая Звезда Зла в прошлые разы ломала земную кору, Башни, конечно, рассыпались, но груды камней с накопленной магией поддерживали и дальше жизни Великих Магов, а те, выбравшись на поверхность, сравнительно быстро восстанавливали Башни в прежнем виде, а с ними и прежнюю мощь.

Но сейчас Башни не просто разрушены. Исчезли сами камни с накопленной магией, превратились в пыль, в рассеянные атомы, такие же, из которых и воздух...

В висках стучат горячие молоточки, я сжал ладонями голову. Мысли носятся сумасшедшие, суматошные, ухватил за хвост нужную, а она сразу выдала предположение, что если Маги погибли, просто умерли от исчезновения питающей их

магии, то все их амулеты должны остаться при них.

Я торопливо потер кольцо с именем Серфика.

– Эй, красная малявка!.. Твой хозяин по тебе соскучился!

По кабинету с такой скоростью пронеслась зигзагом красная точка, что я на мгновение увидел пылающий знак Зорро, что сразу же исчез, это Серфик от избытка чувств не сумел или не захотел сразу зависнуть перед моим лицом.

Крохотный, как божья коровка, такой же красный и толстенький, только с большой головой и выпученными в вечном недоумении глазами, он остановился в полуярде от моего лица, так часто взмахивая крохотными полупрозрачными крылышками, что по бокам вижу только красное марево.

– Мой повелитель! – вспискнул он торжественно. – Слушаю и повинуюсь!

– Привет, огненнокрылый, – сказал я. – Ух, какой ты сегодня грозный. Вроде бы подросток даже... Слушай, власти колец подчинены все демоны, ясно. Но есть среди вас умельцы, что чуют их издали?

Он подумал, пропищал озадаченно:

– Все чуют. Одни вблизи, другие издалека.

– Прекрасно, – сказал я, – мне нужны те, кто издали. Если послужат, отпущу на волю.

Он вспискнул в восторге:

– Послужат!..

– Отыщи, – велел я. – Всего одно поручение!.. Думаю, на твоей стороне уже знают, свое слово держу.

– Знают, – заверил он.

– Вообще-то, – пояснил я, – снова нужен собиратель талисманов. Увы, я отпустил на свободу Кракандельта и обещал его больше не беспокоить, хотя он в целях безопасности хотел было остаться под моей рукой. Но раз обещал, то обещал. Обещание человеку можно нарушать, уже привычно, а перед демоном стыдно.

– Повелитель?

Я сказал, морщась:

– Найди его, хорошо? Скажи, амулеты отыскались еще!.. Не так много, как в прошлый раз, но гораздо более ценные, терять их очень не хочу. И особенно не хочу, чтобы попали в другие руки. Он поймет, что это значит...

Он вспискнул:

– Даже я понял!

– Ты вообще сообразительный, – похвалил я. – Все передашь? Но не хочу задействовать его, это неспортивно, а вот если бы он подсказал такого же орла, как он сам, что умеет находить...

Серфик вспискнул ликующе:

– Понял!.. Искать сейчас?

– Что ты, – ответил я, – это не срочно. Можешь целую секунду понежиться здесь, но потом...

Он зигзагзгнул в воздухе и пропал, оставив красивый инверсионный след багрового цвета с оттенком озоновой свежести.

Глава 3

Я повернулся к огромной карте на стене, всеимперскую пришлось рисовать заново, и все еще рисую и дорисовываю. Местные картографы почему-то не обращают внимание на багеры, а это главные артерии, связывающие регионы воедино с центром в виде Волсингсбора.

Только благодаря их маршрутам удалось исправить сильно искаженные масштабы и пропорции королевств, уточнить расстояние до их столиц, часто преувеличенные или уменьшенные в два-три раза.

У далекой двери Хрурт вскочил, прислушался к звукам по ту сторону двери. Я не обращал на него внимания, каждый занят своим, он переговорил вполголоса с Ульманом в коридоре и быстро распахнул дверь.

Альбрехт вошел быстрыми шагами, мне показалось, что пахнуло дорогими духами, но это с ним ворвался свежий воздух. Странно живет дворец, окна моего кабинета распахнуты, но в залах и даже коридоре воздух вроде бы чище, чем за стенами.

– Ваше величество?

– Докладывайте, прынц, – велел я.

Он чуточку запоздало сорвал с головы шляпу и пару раз небрежно взмахнул перед собой в воздухе, но все равно получилось красиво и с присущей герцогу элегантностью.

– Новости, – сказал он ровным голосом, я, однако, уловил в нем сильное напряжение. – Разведчики Норберта наткнулись на крестьян, что вылезли, как уверяют, из самых глубоких пещер на свете.

– Ничего глубже своих погребов не видели, – согласился я, – так что да, самые глубокие. И что сообщили?

Он остро взглянул на меня.

– Что-то вы даже с лица не изменились, ваше величество. А это были крестьяне, которых один из Великих Магов взял с собой!

– А-а, – сказал я заинтересованно, – это уже как бы да, весьма. И что они сказали?

Он продолжал сверлить меня острым взглядом.

– Рассказали, что были с Великим Магом в одной пещере. Только он, заботясь о них, послал в самую глубину, а сам остался ближе к поверхности, но заверил, что небесная кара не достанет, у него все рассчитано, не первый раз.

– Опытный, – обронил я, – значит, в самом деле пережил прежние визиты Маркуса. Знает, на какую глубину тот падает. Ну-ну, дальше, дорогой принц.

Он снова взглянул с недоумением, проговорил с некоторой заминкой:

– Кончились продукты, решили подняться выше, где Великий Маг.

– Ну-ну, – поощрил я уже заинтересованнее.

– Нашли только одежду мага и несколько иссохших ко-

стей, – сказал он, наблюдая за моим лицом. – Но почему мне кажется, что это для вас не новость?

– Новость, – заверил я. – Правда-правда. Не думал, что Великие Маги даже в экстремальных случаях нисходят до крестьян.

– А вдруг опасался, что все остальные люди погибнут? Решил приберечь для себя на племя.

– Разумно, – согласился я. – Вы вообще разумный человек, принц. Заметили? Или пока замечаете только перья на шляпе, что так важно, так важно?

Он смерил меня недоверчивым взглядом, покосился на кресла у стола, но я сесть не предлагаю, так что долгого разговора не будет, вот только странное веселье в моем лице пока разгадке не поддается.

– Я многое замечаю, – ответил он с легкой угрозой в голосе. – Особенно неуместное поведение высокопоставленных лиц в императорском дворце.

Я поинтересовался:

– А как выбрались крестьяне, вход в пещеру все равно засыпан?

– Вы и это знаете? – спросил он с иронией. – Да, вход был завален так, словно Маркус в самом деле... В общем, готовились умереть, но нашелся отважный кузнец, сказал, что лучше сгинет, прогрызая путь вверх, чем вот так... Половина тех, что пошла за ним, погибла под завалами, остальные выбрались и увидели, что мир цел!.. Ваше Величество, а не по-

тому ли вы оттягивали решение насчет Великих Магов...

Я вздохнул – все никак не придумаю, как объяснить. Потом вспомнил совет чародея: никак не объяснять, чтобы не завратиться. Поднял на него взгляд строгих и внимательных глаз, как и надлежит выглядеть императору-батюшке.

– Знаете, принц... я вызвал вас, чтобы поручить созыв лордов и правительства, дабы нацелить на важнейшую задачу стабилизации обстановки в империи!.. Пока народ все еще надеется, что Великие Маги вот-вот выйдут и наведут порядок, нам нужно успеть... Ну, вы поняли?

Он поклонился и отступил к двери, прижимая шляпу к груди, но перья как-то грустно обвисли, словно разделяя недоумение хозяина.

– Ваше величество, соберу всех немедленно.

Хрурт снова вскочил, приоткрыл дверь. Из коридора заглянул Периальд.

– Ваше величество! – крикнул он с торжественностью в голосе, явно в коридоре ждет кто-то из не наших. – Лорд-канцлер Варессер просит вашей аудиенции!

– Пригласи, – велел я, Альбрехт повернулся к двери, я сказал ему в спину: – А вы, герцог, останьтесь. Послушаете. Вы моя правая рука, не знали?

– Но вы же левша? – уточнил он.

– Я переученный левша, – пояснил я. – У меня теперь обе руки черт-те что, а не руки.

Он ответил с сомнением:

– Но на первый взгляд растут по-прежнему из плеч. Хоть и кривые.

– Сядьте, – велел я, – а то будете отвлекать со своей экстравагантной шляпой.

Через порог ступил с толстой папкой бумаг в руках лорд-канцлер, дверной проем показался узким для его массивного и грузного корпуса. Величественный и внушающий, а такое крупное тяжелое лицо с массивной нижней челюстью и трехъярусные мешки под глазами без всякого сомнения могут принадлежать только государственному деятелю, который днем и ночью бдит насчет благополучия империи, ее безопасности и величия.

Седые усы вразлет бодро приподняты заостренными кончиками, во взгляде почтение к моей персоне и удовольствие на лице, как бывает при успешно выполненной работе.

– Ваше величество, – проговорил он бодро рокочущим голосом, – вы затребовали сведения по всем королевствам, княжествам и прочим субъектам империи...

– Собрали? – спросил я.

– Да, – ответил он. – Здесь пока вкратце, но по любому вопросу мы готовы представить добавочные сведения.

Я взглядом измерил толщину папки, жестом указал на стол:

– Кладите, сегодня же весьма так. Спасибо за проделанную работу в почти сжатые сроки.

Он поклонился.

– Рады служить вашему величеству.

В его взгляде мелькнул вопрос, велю ли удалиться. Я проговорил рассеянно и как бы невзначай, думая о чем-то важном своем:

– Кстати, сэра Джуллиан, с Великими Магами мне договориться удалось. Они сперва колебались, но я их уколебал. Уговорил, в прямом смысле слова.

Он охнул:

– Но Великие Маги... обычно не снисходят...

– Верно, – согласился я. – Не снисходят к вам. Таким послушненьким. Но я человек добрый, хоть император злой, сам к ним... я без гордыни, император должен выказывать пример смирения и хороших манер, верно?.. К людям нужно хорошо, тогда и они потянутся так, что кости захрустят, хотя, вообще-то, сперва хрустят суставы, но со мной могут захрустеть и кости.

Альбрехт сидит в кресле как влитой, не шевелится, даже дыхание как бы задержал, но я чувствую, как насторожился от кончика шляпы до сапог на толстой подошве. В моем «уговорил» наверняка уловил еще какие-то оттенки, типа «приговорил» или «угомонил», а то и покруче, речь императора изобилует метафорами, а то и вообще, поэт и философ круче какого-то неведомого Нерона.

Сэр Джуллиан встрепенулся, уставился расширенными глазами в мое лицо со страхом и надеждой:

– Ваше величество?

– Уговорил продолжать их высокую деятельность, – пояснил я, – и не пачкаться в повседневной рутине, из которой состоит наша жалкая, с их высоты, жизнь. А она, если честно, не самая, если вот так с высоты нашей высокой одухотворенности...

Он переспросил с недоверием в голосе:

– Уговорили... отказаться от правления миром?

– Суета и тлен, – сказал я (надеюсь, что с хорошо различимой завистью), – а они люди духовные. Мирской жизнью занимались через «не хочу» и потому что надо вытирать вам сопельки и подтирать их на полу за вами, а то поскользнетесь, можете ушибиться.

Альбрехт с трудом удержал улыбку, хотя плечи раздвинул, а грудь сама выпятилась, как у петуха перед дракой.

– Пришлось пообещать, – продолжил я размеренным и слегка безразличным тоном, – что этой тяжелой и неблагодарной работой займемся мы, простые и незаумные люди. Так подотрем за вами, что и сопливые носы с дурных морд прочь!..

Сэр Джуллиан продолжал смотреть на меня с таким видом, как заяц на огромного волка.

– А что ответили... Великие?

Я с тоскливым видом махнул рукой.

– Что с радостью займутся, как и мечтали, высоким искусством и еще более высокой наукой. Наука, сэр Джуллиан, это не совсем та наука, как держать в руке веер и строить

глазки. И даже не та, как носить парик.

Он пролепетал, уже весь красный и с выпученными глазами:

– Но... ваше величество... а Башни...

– Для умного человека везде Башни, – сказал я. – Они и в пещерах чувствуют себя в Башнях. Теперь им в эмпиреях ничто не мешает. Даже свет в глаза не бьет, а противные птицы не кричат утром под окнами. Идите и берегите державу, как сэр Альбрехт бережет свою великолепную шляпу!

Он понял, что разговор окончен, поклонился и отступил к двери, где Хрурт распахнул перед ним дверь.

Альбрехт оглянулся и, не поднимаясь из кресла, спросил тихонько:

– Чувствую, врете, хотя глаза такие честные-честные, а голос ни разу не дрогнул. Но где подвох?

Я посмотрел на него обиженно и даже с укором.

– Сэр Альбрехт, разве я не сама честность... в правильном государственном понимании?.. Главное, Великие Маги из убежищ не выйдут и нам не помешают. Разве не это важно?

– А вы их, – переспросил он еще тише, – хорошо... уговорили?

– Лучше не бывает, – ответил я с таким удовлетворением, что сам ощутил, как от меня пошли лучи счастья. – Уговорил полностью. Эмпиреи... это такая вещь! Пусть там витают нам на радость.

Он помолчал, сказал с ноткой нерешительности:

– Я не понял, как сумели уговорить, не покидая апартаменты, но промолчу. Вдруг да кто-то из Великих Магов посетил вас незримо для всех... вот только...

– Что?

– Вы точно их... уговорили?

– Уверен, – ответил я, хотя под ложечкой екнуло, все-таки трупов не видел, а Карл-Антон знает не все возможности южан. – Да, уверен.

– И не выйдут?

– Тоже уверен. Ну, насколько можно быть точным.

Он перевел дух, но проговорил с тем же сомнением:

– Но у сэра Джуллиана оставили сомнения... намеренно?

– А как иначе, – ответил я, – мы разве не дипломаты?..

Пусть те, кто недоволен моим мудрым правлением, надеются, что Великие Маги выйдут однажды и восстановят прежний порядок. А то и Скагеррака вернут! Кстати, как он там?.. Угнетенным массам вельмож и удельных владык просто необходима отдушина. История показала, что лучшая из них – надежда на приход Мессии, который накажет обидчиков и всем воздаст. То ли сразу, то ли потом, после смерти. Нужно только ждать и терпеть, а он придет и всем раздаст и отвесит. Мало не покажется.

Он кивнул, наконец-то проследив за извилистым ходом моей премудрой мысли.

– А пока ждут, мятежи и попытки переворота отложат?

– Мятажи всегда чреваты, – напомнил я, – можно и проколоться, а Великие Маги все сделают сами. Нужно только дожждаться. Ладно, сэра Альбрехт, о приятном можно долго, но как у нас со связями с другими империями? Что-то у нас это направление совсем не разрабатывается.

– Верно, – согласился он, – Скагеррак, вообще-то, разрабатывал, но нам пока не до того. Хотя потом займемся. Обещаю. Я соберу совет по поводу вашей странной для всех идеи насчет Великих Магов?.. Мне кажется, своих неплохо бы предупредить. А то народ когда-то да начнет тревожиться, что Великие Маги так и не выходят, начнут сперва волноваться, а потом...

– Действуйте, – одобрил я. – Предупрежден, значит, вооружен.

Глава 4

Устройство империи сложное, даже сложнее, чем причудливая шляпа сэра Альбрехта, хотя такое и представить трудно, он сам работал над ее дизайном, чтобы утереть нос местным, дескать, можем и мы, если возжелаем!..

Но в то же время в империи слишком многое упрощено за счет того, что Великие Маги своей мощью прикрывали население от великих потрясений типа налетов саранчи, засухи или недорода.

Теперь всего этого не будет, придется строить большие закрома под управлением государства, куда, подобно египетскому фараону, нужно складывать зерно на случай голодных лет. По Библии, как-то было семь лет тучных, а потом семь неурожайных, и народ кормили из запасов, собранных в тучные годы.

Великие Маги, пришла в голову само собой разумеющаяся мысль, в отличие от королей не должны были заморачиваться поисками просторных подземелий. У каждого достаточно мощи, чтобы пробить тоннели для себя и своих слуг или кучки крестьян. Наверняка все брали с собой на всякий случай молодых мужчин и женщин для того, чтобы заново населять землю и заново создавать королевства. Многие уже пережили визиты Маркуса, знают, что и как, а те, кто недавно достиг могущества, точно так же пошли по само собой

разумеющемуся пути: тоже заранее проделали тоннели прямо из подвального этажа башни в глубины земли.

Но это сейчас кажется понятным и естественным, что их бессмертие и могущество подпитывались за счет могучей магии, накопленной в стенах Башен, но почему такие очевидные вещи не пришли в голову раньше? Правда, Карл-Антон тоже не сообразил.

Серфик что-то долго не появляется, я с досадой вспомнил, что демоны не могут вот так взять и возникнуть сами, быстро потер колечко и шепнул:

– Серфик...

Он появился моментально, кувыркнулся в огне свечи и поднялся на ее острие, как ярко-красная звездочка на шпигеле.

– Мой господин?

– Докладай, – велел я.

– Мой господин, – пропищал он изо всех комариных сил, – Кракандельт говорит, что лучше он!

– Я ему дал свободу, – напомнил я.

– Все равно вызови, – пропищал Серфик. – Ему безопаснее быть в твоей власти!

– Ну, – пробормотал я, – у меня как бы нравственные ограничения, хотя, если родина в опасности... А почему он?

Он вспискнул:

– Говорит, никто быстрее и лучше не сделает! А кольца с именами демонов очень опасны для нас!.. Ими может вос-

пользоваться даже мелкий маг!.. А то и вовсе не маг, если грамотный.

Я сказал с осторожностью, но и с тайной радостью:

– Ну смотрите, это ваше желание. Не хочу быть нарушителем слова как бы чести рода.

Яркая искорка метнулась из стороны в сторону, крошка-демон не может усидеть на месте, над правым ухом я услышал писк:

– Наше решение, наше!.. Только он сам сказать не может!

Я сказал с сомнением:

– Значит, я должен верить тебе на слово?.. А вдруг брешешь? И хочешь подставить своего соперника?.. Ну, не по росту, а так, вообще...

Он пискнул в непонимании:

– Что такое «подставить»?

Я отмахнулся небрежно-императорским жестом.

– У вас и слов таких нет?.. Ничего, люди и вас успеют испортить. Они все портят, меня вон тоже... Хорошо, зови. Но это не в счет нашей негласной договоренности.

– Господин, – пропищал он, – позвать должны вы!

– Неловко как, – пробормотал я. – Неужели трансформируюсь в чеховского интеллигента?..

– Господин?

Не отвечая, я набрал в грудь воздуха и сказал мощно голосом властелина и повелителя:

– Кракандельт, услышь свое тайное имя и явись перед мои

бесстыжие имперские очи!

В комнате гроыхнуло, качнулись массивные портреты на стенах. Посредине помещения в огне и сизом дыме возник огромный красный краб, где-то с круглый стол двенадцати паладинов короля Артура.

Дым быстро рассеялся, оставив приятный аромат горячего металла. Краб превратился в плотную фигуру размером с быка, поднявшегося на задние копыта. От него пахло жаром, но краснота быстро поблекла, а демон, не сдвигаясь с места, проревел мощно и грохочуще:

– Повинуюсь, мой господин!

– Тихо ты, – сказал я, – народ перепугаешь. И не господин я тебе больше. Ты свободен, но если по ритуалу нужно, то вот как господин даю вводную...

– Слушаю, господин.

Я сказал веско:

– Ты как никто способен учуять магические вещи! И уже зарекомендовал себя на этом сомнительно благородном поприще археолога сбором ничейных ценностей в прошлый раз.

Он молчал и не двигался, в поблескивающих металлом глазах под нависающими утесами надбровных дуг никакого отклика, хотя слышит, как надеюсь.

– Потому, – закончил я, – промчись по тем местам, где стояли Башни Великих Магов! Прямо под ними на малой глубине прятались от Багровой Звезды сами хозяева этих ве-

личественных сооружений, которые я пустил в распыл. Даже не подумал, что стали бы теперь историческими памятниками...

Демон молчал, просто послушное орудие, я ощутил неловкость за бахвальство и почти брехню.

– Кстати, Великих Магов всех умертвил вам на радость и нам на счастье ваш друг и соратник, а в данном случае временном, твой господин. Так что тебе никто не помешает!

Серфик описал над нами огненный круг и вспискнул:

– А говорили, Великие Маги неубиваемы!

– Вообще-то, – пояснил я, – получилось нечаянно. Это хорошо, а то я еще раздумывал над мирным соглашением и разделом полномочий, будто какой-то Иммануил Кант на валаамовой ослице, я же интеллигент неприличными местами... Главная проблема: на мертвых трупах, убитых до насильственной смерти магов, остались кольца, амулеты и всякие талисманы, дававшие им неоправданные преимущества перед остальными как бы честными гражданами. Есть красивые, есть не совсем, но все опасные. Представляешь, если попадут в руки младших магов? Сразу начнут, как только узнают!

Серфик от избытка чувств за долю секунды начертил в кабинете целую огненную паутину, а Кракандельт сказал гулким голосом:

– Приказывай, господин.

Я перевел дыхание и сказал уже просительно:

– Если тебе не противно снимать с почти мирно усопших мертвяков вещи, то собери все эти кольца и прочие штуки. Но только те, в которых зачуеть магию.

Он прогрохотал ровным голосом:

– Приказывай, господин.

– В общем, – сказал я, – за вашу и нашу свободу!.. Весь мир насилья мы разрушим. Я уже начал, но пока только раз-зуделся. Хотя уже почти весь, пусть и местами. Отправляйся, собери все и сложи где-нить в недоступном месте в горах, чтоб сюда с каждым колечком не шастать, а то и так говорят, что ко мне бабы гуськом... Я потом заберу. Или сам принесешь. Карта, где были эти Башни, нужна?.. У меня есть.

Серфик запищал счастливо:

– Он и сейчас чует, где они были!..

– Тогда велю, – сказал я. – Собери кольца, браслеты, амулеты, талисманы и прочие вещицы, которыми пользовались Великие Маги!..

Мощный голос громыхнул, как отдаленный гром:

– Слушаюсь и повинуюсь, господин.

– Выполняй, – велел я.

Он отступил на шаг, словно опасаясь, чтоб меня не втянуло в его поле. Сухо хлопнуло, исчез, на миг взметнулась то ли пыль, то ли в то место ударили волны воздуха, заполняя пустоту.

Серфик снова завис прямо передо мной так близко, что могу нечаянно проглотить при вдохе.

– Господин?

– Отправляйся в свой плазменный океан, – велел я. – Потом доложишь.

Он исчез без хлопков, а если тот и был, то могли заметить разве что две-три бактерии, плававшие рядом во взвешенном состоянии.

Я пересек большими шагами кабинет и, приоткрыв дверь в коридор, взглянул на встревоженно беседующих Хрурта и Ульмана.

– Хрурт, можешь занять свое место.

Хрурт вошел следом за мной, плотно прикрыл за собой дверь и сказал в спину торопливым шепотом:

– Ваше величество, я слышал какие-то голоса.

Я сказал небрежно:

– Иногда сам с собой разговариваю. Сейчас трудно найти умного собеседника, вот и приходится все самому.

– Но другой голос был... не ваш.

– Наверное, с ангелом, – пояснил я. – Да, иногда прилетают. Я же император, с кем еще на равных?.. А хочется. Не бери в голову, Хрурт, а то умным станешь, а все горе от ума, как сказал один дипломат, за что и погиб, так разумничался. Ты же армия, а зачем мне умная армия? Разбежится с мыслями о непротивлении злу насиланием.

Он спросил осторожно:

– А мы... уже зло?

– Еще какое, – ответил я хвастливо. – Но только для вра-

гов, только для врагов! А для Церкви верноподданные. Ты с Церковью как?

– Не ссорюсь, – ответил он. – Разве что по пьяни скажу, что...

– Про попов?

– Да...

– Про попов можно, – разрешил я. – Они к вере в Господа никаким боком, даже Церковь для них не Церковь. И вообще, что слова? У нас демократия, поносить можно что угодно и кого угодно. Кроме меня, естественно.

Он ушел на свое место, все еще обеспокоенный, а я подумал, что у меня, похоже, оформляется репутация настоящего правителя. Никаких баб, только работа и работа с утра до вечера. В постели довольствуюсь жалкими четырьмя любовницами, совершенно не вмешиваясь в календарь, по которому приходят на ложе. Иногда кто-то две ночи подряд, иногда кого-то не вижу неделями.

Их ложе в соседней комнате, но я демократ, не могу оставить женщину вот так зябнуть в ожидании и опасливом томлении, всякий раз по доброте приглашаю перебраться под одеяло ко мне, а дальше они уже сами догадываются, что нужно лечь на спину и раздвинуть ноги.

Сегодня поздно вечером пришла герцогиня Херствардская, самая старшая из них по возрасту и по рангу. Иногда стесняется, что остальные трое намного моложе, так мне показалось, зато лучше других чувствует мое настроение, по-

тому хороша и в постели, и как собеседница, знающая исключительно много о самой империи, в отличие от остальных, что в курсе о нарядах и любовных похождениях двора, но их мир заканчивается за пределами городской стены, даже стены дворцового ансамбля зданий.

– Ваше величество, – шепнула она, когда слез с нее и в блаженстве вытянулся во весь рост рядом, – а что при дворе говорят, что вы... заключили некий союз с Великими Магами?

Я уже перевел учащенное дыхание, ответил с императорской небрежностью:

– С Магами?.. Да так, о перераспределении полномочий. Думаю, обрадовались в глубине своих душ... если у Магов они есть.

– Обрадовались? Чему?

– Что не надо бдить и помогать, – пояснил я. – Займутся своими делами...

– Но ведь раньше...

– Раньше меня не было, – напомнил я чуточку хвастливо. – Будем учиться жить сами.

– А Маги?

– В запасе, – пообещал я. – Не справимся, позовем. Но мы должны справиться, герцогиня. Нехорошо отвлекать умных и очень занятых. Вы же понимаете, герцогиня, флирт для таких людей, как я, и эти... ну, Маги, не представляет той завышенной ценности, какую ему придают при дворе.

Она мягко улыбнулась.

– Для настоящих всегда есть что-то выше флирта, ваше величество, но настоящих так мало в этом мире!..

– Я рад, – сказал я с чувством, – что вы не такая, Самантелла.

Глава 5

Трудная проблема с Великими Магами, что казалась раньше вообще неподъемной – и даже не знал, на какой козе подъехать, – решилась как-то сама, хотя и с моей подачи, но такое не стану объяснять даже Альбрехту. Пусть случайная удача для него и остальных проходит под графой успеха их великолепного и мудрого вождя.

Удача всегда случайная, но, к счастью, улыбается не всегда только дуракам. Мне вот тоже улыбнулась во весь рот, хотя я не дурак, а если где-то в чем-то, то не круглый же...

На миг ощутил щем, вот и настоящее одиночество, которого не знал, ни когда был простолюдином, ни даже рядовым рыцарем. Альбрехту и то не могу открыться, приходится даже перед ним держать маску загадочности и всесилия. Дескать, как-то между делом восхотел уговорить магов не вмешиваться... и уговорил. Видимо, в запале спора, как иногда бывает, разойдешься, в голову то ли хмель ударит, то ли дурь, а потом ахаешь: я же не так хотел закончить...

Пусть думает, что я их перебил целенаправленно, а для остальных годится версия, что мудрецы в пещерах даже не заметили исчезновения своих Башен, продолжают увлеченно работать над великими тайнами магии, что сделает их властелинами всего мира и даже больше, чем мира.

Утром после церемонного завтрака я уединился в кабине-

те, Серфик появился, едва я потерял кольцо и произнес шепотом его имя.

– Ответствуй, – сказал я, – мой будущий дракон! Как там дела у нашего могучего друга?

– Кракандельта?

– Да.

– Собирать заканчивает, мой господин и повелитель.

– По королевству или по всей империи?

– Что такое империя?

Я отмахнулся.

– Ах да, вы же космополиты, а теперь вообще глобалисты, границ не признаете. Скажешь, когда закончит. Или пусть сразу перенесет мне... только он не может в незримника?

– Нет, мой господин, – ответил он с огорчением.

– А как вот сюда в кабинет, где мы с тобой?

Он пропищал, хоть и тоненьким голоском, но я уловил в нем сильнейшее огорчение:

– Мой господин, может только сам, но ничего с собой!..

Во дворце очень сильная защита вписана в камни. Ни снять, ни отменить!

– Ага, – сказал я глубокомысленно, – значит, меняет структуру своего тела, что позволяет сквозь любые стены... А то, что в руках, менять не может... Да, так колечко с собой не протащишь. Тогда пусть соберет все в мешок. Я ему дам побольше, если сам не отыщет, и, как закончит, доставит куда-нить поближе к городу.

– Ночью?

– Сообразительный, – похвалил я.

– Я такой, – пискнул он счастливо.

– А оттуда, – сказал я, – уже сам перенесу. Я простой император, если мне, то могу и сам. Я о себе забочусь! Почти как о народе. Тот тоже мой, и вообще здесь все мое, народное.

День пролетел в попытках удержать империю цельной. Бескорольеве сказались на державе самым пагубным образом, с каждым днем все больше тех, кто решает погулять напоследок и захватить опустевший трон хотя бы на сутки, чтобы внести свое имя в историю. Но немало и тех, кто намерен не просто захватить трон, но и удержать, обычно главы могущественных кланов, наследники древних родов, что издавна претендовали на престол...

Только на следующий день, ближе к полуночи, едва вызвал Серфика, он сообщил, что Кракандельт все собрал и теперь ждет меня за городом в лесу.

– Прекрасно! – вскрикнул я. – Молодец, не оставил без охраны! А то вдруг кто наткнется... Едем!

Стража во дворе забеспокоилась, когда я в сопровождении Бобика выскочил из дворца и бодрым голосом велел привести моего замечательного коника.

Юстер спросил обеспокоенно:

– Ваше величество, я подготовлю охрану?

– А если я тайком к замужней женщине?

Он отшатнулся.

– Вы же император, ваше величество!.. Любой муж будет счастлив. А охрана может остаться в сторонке. Просто окружим ваш охотничий домик, если будете в самом домике...

– И никакой романтики? – сказал я с укором. – Никакой запретности под кустом черемухи?.. Что за жизнь, сэр Юстер, без крохотных нарушений! Нужно, чтобы общественность сопротивлялась и осуждала, иначе какое удовольствие от победы? Нет уж...

Конюхи бегом привели арбогастра, я обнял большую голову с умными глазами, чмокнул в лоб.

– Мой Зайчик, как я тебя люблю... Надо бы тебя хотя бы в герцоги, чтобы чаще видеться. Калигула же возвел свою лошадь в сенаторы?.. Да и тебя, Бобик, люблю, люблю... Не топчи меня, носорог...

Юстер вздохнул и отступил. Я бодро поднялся в седло, Бобик моментально метнулся в сторону выхода из ансамбля величественных зданий дворца.

В воротах арбогастр отстал всего на мгновение, а когда вырвались на простор, я, борясь с мощным встречным ветром, поспешно потер большим пальцем кольцо.

– Серфик!

Перед моим лицом возник этот крохотный демон с вытращенными глазенками. Крылышки машут часто-часто, но держится на одном и том же расстоянии от моего лица, хотя Зайчик набрал скорость, только ветер свистит в ушах и пы-

тается сорвать шляпу, не понимая, что ее у меня нет.

– Левее, – пропищал Серфик. – Вот за той кучкой деревьев!

– Видишь?

– Да, но не так, как люди.

Бобик исчез, словно все понял, хотя кто знает, вдруг понимает больше, чем думаю. Просто живет счастливо и в свое удовольствие, раз уж период наших странствий, голодных дней и ночевок в лесу у костра вроде бы закончился.

Когда мы с Зайчиком проломились сквозь кусты, Бобик уже прыгал вокруг Кракандельта, приглашая его побегать вместе, побросать ему бревнышко, поваляться на траве.

Кракандельт, все такой же массивный и крабовидный, повернул башню головы в мою сторону, глаза вспыхнули таким же багровым огнем, как у Бобика.

– Повелитель, – проревел он едва слышно, – я принес.

Я с недоверием посмотрел на две шкатулки у его громадных ног.

– Это... все?..

Он ответил лаконично:

– Все.

Я покинул седло, арбогастр тут же отошел в сторону и, выдернув из земли нечто похожее на заржавленную рукоять меча, принялся с хрустом, словно сосульку, перемалывать в могучих челюстях.

Бобик обнюхал обе шкатулки и повернул ко мне голову, в

больших детских глазах недоумение и вопрос.

– Да, – согласился я, – это не едят.

Он подпрыгнул на всех четырех, показывая, что, как бы далеко я их ни зашвырнул, мигом найдет и принесет обратно.

– Щас, – пообещал я, – щас брошу. А там твой друг их тут же сжует.

Бобик посмотрел с укором на арбогастра, тот фыркнул, не переставая доедать железку, и отвернулся.

Я присел на корточки, приоткрыл крышку одной шкатулки, затем другой. В глаза ударил разноцветный блеск драгоценных камней и украшений из благородных металлов, хотя, конечно, ценность этих талисманов не в бриллиантах и золоте.

Кракандельт не двигается, сейчас полностью скован заклятием абсолютного послушания, Бобик посмотрел через мое плечо, засопел разочарованно и метнулся мимо жующего Зайчика в чашу, только кусты захрустели по его следу.

Я смерил подозрительным взглядом шкатулки, почему же одни кольца отдельно от других, поместились бы все в одной, даже крышку не пришлось бы сильно прижимать.

Я спросил с сильнейшим разочарованием:

– Чё, это усе?

Кракандельт медленно наклонил огромную, как башня танка, голову.

– Да.

– Точно.

– Ни одного не оставил, – заверил он.

– Я думал, – сообщил я потерянно, – будет мешков сто. Я с собой два прихватил... Ладно, забираю. А чего две шка-тулки? Или в них с разными свойствами?

Он ответил бесцветным ревом, но я ухитрился различить в нем сильнейшее отвращение:

– Да...

– Каким?

– Вот в этом сосуде, – сказал он и указал на левую шка-тулку, – кольца, что вызывают по демону.

– Только по одному? – уточнил я. – Как вот это мое кольцо специально для Серфика?

– Да, – подтвердил он...

– Можешь сказать, – поинтересовался я, – какое кого вы-зывает?

Он покачал головой.

– Только хозяин с кольцом на пальце может знать. И вы-звать.

И все-таки, несмотря на разочарование из-за малого ко-личества добычи, возбуждение все нарастает и захлестывает с головой. Сердце сперва бухало, теперь зачастило, постуки-вая в нетерпении, как голодный заяц по барабану.

В Башнях маги оставили всякую мелочь, а важное взяли с собой, теперь оно передо мною, нужно хватать, но хватать с осторожностью, я сдержал себя и спросил деловито:

– А во второй?

Он ответил бесстрастным голосом:

– Неведомое мне. Но все они были не на пальцах магов.

– Ладно, разберемся. Может быть, разберемся. Кракандельт, ты сделал великое дело для своего народа!..

– Господин, я выполнил по твоему слову.

– Нет-нет, – сказал я, – по возвращении тебе должны дать большой пряник... или глотнуть из чаши с расплавленным золотом! Ты теперь герой своей расы или вида, а то и класса. Именно ты положил сегодня и сейчас конец всемогуществу магов, их тирании и неопишуемым зверствам! Пусть знают все о том!.. Может быть, тебе даже памятник там у вас отгрохают. А теперь прощаюсь...

Он тяжело отступил на шаг.

– Господин... я все еще в твоём распоряжении.

Коротко блеснуло, на его месте на краткий миг сгустился воздух. Я закрыл рот, не успев напомнить, что он свободен, как птица. Осталось смешанное чувство облегчения и некоторой неловкости за постыдную радость, что такой могучий демон предпочитает оставаться в рабстве у меня, чем получить вообще-то опасную волю.

Однако он в какой-то мере прав. Великих Магов я истребил, но осталось во много раз больше мелких, что с особым энтузиазмом ринутся расшифровывать тайные имена, рассчитывая стать Великими и нагнуть всех на свете.

Я еще возился с бумагами в малом кабинете, а из-за две-

ри в соседнюю комнату, что почти зал, но тоже кабинет, все громче начали доноситься голоса, шарканье ног.

Мой хороший слух не всегда благо, слышу приглушенные голоса, к ним добавляются все новые и новые, различая слова, а если напрягу слух, то услышу даже шепот.

Дверь в мой малый кабинет приоткрылась, вполглаза заглянул Альбрехт.

– Ваше величество, – произнес он с таким пафосом, что и коза поймет, работает на тех, кто за спиной, – все собрались в почти полном составе, хотя, конечно, не все. Извольте?

– Да, – ответил я, – минутку.

Минутка не понадобилась, но задержался, так императорское, человек моего титула и ранга не должен сразу являться на зов, словно император здесь Альбрехт, а я всего-навсего какой-то там король.

За длинным столом расположились, словно букеты цветов в рост человека, все яркие, – одежды всех расцветок – от нежно-алой до голубой, но только светлых и радостных оттенков, при дворе атмосфера постоянного праздника, все должны соответствовать, даже если не бездельничающие придворные, а государственные служащие, что тоже из высшей знати.

Среди моих лордов трое из правительства во главе с лорд-канцлером, но в одежде почти нет различий, разве что северяне сменили доспехи на изящные кирасы, что тоже считаются произведениями искусства.

Я прошел к столу медленными государственными шагами. Все встали и застыли в почтительных позах со склоненными головами. Даже мои лорды выказывают предельную почтительность, но это больше для лорд-канцлера и его двух помощников.

Я медленно и величаво остановился у стола, подумал и, упершись кончиками пальцев в край столешницы, сказал державно мудрым и усталым голосом:

– Прошу садиться.

Большинство в шляпах, что все еще непривычно для северного лорда, только граф Келляве и Рокгаллер с непокрытыми головами, остальные же, начиная с Кенговейна и Волсингейна, не только в весьма роскошных, но и сдизайнерных по самой последней моде.

Садись как бы неспешно, но быстро, нельзя заставлять мое величество ждать, а я озираю всех орлиным взглядом, словно тушканчиков, взвешивая грешки.

Как только перестали двигаться и устремили на меня взгляды, я спохватился: здесь же трое местных – не поймут, если останутся сидеть, а я буду стоять. Опустился в кресло и, откинувшись на спинку, произнес тем же усталым от великой мудрости голосом:

– У меня несколько печальные новости. Даже колебался, сообщать или не стоит... Хотя как государь я должен считать их хорошими, но мое сердце гуманиста щемит от большой и невосполнимой потери.

В зале мертвая тишина, никто не шелохнется, все смотрят, не отводя взглядов, только Альбрехт, выказывая свою близость к императору, спросил почтительно:

– Ваше величество, мы вместе с вами скорбим и разделяем... А что случилось?

– Сожалею, – сказал я и вдруг ощутил, что в самом деле немножко неловко, словно ударил кого-то в спину, хотя, вообще-то, бить в спину самое то для политика и вообще умного человека, – Великие Маги больше не выйдут из своих убежищ.

Все молчали, еще даже не врубилась в важность сказанного, слишком невероятная вещь брякнута, скорее бы поверили в то, что солнце отныне будет подниматься с запада.

Сэр Джуллиан кашлянул и – все-таки лорд-канцлер, должен себя обозначить – поинтересовался вкрадчивым голосом:

– Ваше величество... лично мне, как вашему доверенному лицу, вы уже сообщили эту потрясающую новость, в самом деле потрясающую так, что даже не знаю как, но, думаю, это надо понимать в каком-то... иносказательном смысле?

Я развел руками в жесте крайнего сожаления.

– Увы, в самом прямом. Я хоть и поэт, но все же по необходимости император, каким был великий Нерон... Потому никакой иносказательности. Придется как-то жить без Великих Магов.

За столом пронесся легкий шумок, все чуточку задвигались, начали переглядываться. Альбрехт и мои лорды помалкивают, сэр Джуллиан спросил непонимающим тоном:

– А почему... почему не выйдут?

Я пояснил с печалью в голосе:

– Как-то нечаянно получилось, уж поверьте, говорю истинную правду, у меня слишком великий дар убеждения. Даже мне во вред. Скажу шутя, а человек возьмет и сделает. Такое редко бывает в повседневной жизни, а у меня чуть ли не каждый день. Из-за чего и страдаю безмерно из-за своей повышенной совестливости.

Сэр Джуллиан – вот уж настоящий канцлер – не стал выражать сочувствия или сожаления, на лице и во взгляде предельная сосредоточенность, переспросил:

– Но как же мы будем... без Великих Магов?

Я в жесте полнейшего сокрушения только развел руками, Альбрехт опомнился первым и сказал с язвинкой в голосе:

– Его величество признался честно насчет своего дара убеждения. Думаете, чего я, взрослый и разумный человек, все бросил и пошел за ним, тогда еще простым рыцарем? Он даже когда врет, то делает это так искренне и с такими честными глазами!..

Норберт заметил с холодком в голосе:

– У его величества наверняка есть план.

– И не один, – согласился Альбрехт. – Как у лисы, у которой несколько тайных выходов из норы. Думаю, наше вели-

чество вошло к ним и слишком громко сказало за их спинами «Драсте!», а они все люди тонкие, нервные, духовно развитые...

Келляве уточнил могучим басом:

– Насмерть?

– Вся интеллектуальная элита империи, – ответил я с печалью. – Правда, вражеская, но оставался шанс кого-то перевербовать... а так все подчистую. Даже «мама» никто не мамкнул. Добро бы торговцы какие или актеры, а то лучшие умы империи!

– Ваше величество, – сказал Альбрехт в нетерпении.

Я продолжил с той же печалью в голосе и, надеюсь, во взоре, хотя, конечно, хотелось пойти в пляс, приговаривая, какой же я молодец, какой же это я умница:

– Жаль, не хотел так, но получилось. Так что, если кто надеялся на Великих Магов, забудьте. И кто страшился их мощи, тоже расслабьтесь и займитесь более важными проблемами. Никакого двоевластия, есть только мое величество!

Сэр Джуллиан выглядел сотрясенным, словно его ухватили за ногу и, мощно раскрутив над головами, с размаха ударили о стену.

– Ваше величество...

– Да-да, дорогой лорд-канцлер, – сказал я, слегка повышая голос, – никто не освободит вас от моей железной пяты и неумолимой поступи прогресса в моем лице.

– Пяты, – проговорил он таким голосом, словно сам не

понимал, что говорит, – в вашем лице...

– В моем одухотворенном лице, – подтвердил я. – Хотя для вас это же привычно?.. Только и того, что верховный господин не будет сидеть высоко в башне, а станет ближе к народу! Почти демократия с человеческим лицом.

– Но, ваше величество...

Я прервал:

– Кстати, вы тоже таким образом окажетесь ближе к верховной власти. Если до этого собрания я был в ваших глазах как бы временный император... что значит не совсем легитимный и с присвоенными полномочиями, то с этой минуты придется смириться, что выше моей власти и моей армии здесь нет!

Он ответил слабым голосом:

– Настоящей... верховной... ваше величество...

– Ага, – сказал я с удовлетворением, – льстите, значит, опомнились, ожили... Теперь в самом срочном порядке продумайте ряд превентивных мер, чтобы гасить добавочные мятежи, бунты и сепаратизмы. Раньше сдерживали Великие Маги, а сейчас это на плечах правительства! Больше полномочий, больше возможностей... Но что-то не вижу ликования на вашем лице, лорд-канцлер!

Глава 6

Сэр Джуллиан выглядит уже как крупный рак, с полчаса поплававший в кипящей воде, нервно вытирает огромным платком с золотой монограммой красное распаренное лицо, но мутные капли пота выступают снова и снова.

– Ваше величество, – произнес он в ужасе, – но это же...

– Ну-ну?

– Светопреставление, – пролепетал он. – Это... конец всего... что есть!..

– Конец света мы отменили, – напомнил я.

– От Багровой Звезды, – ответил он трясущимся голосом, – но обрекли на медленную и мучительную гибель от грабежей, пожаров и хаоса!

В зале мертвое молчание, даже у моих лордов застывшие лица, канцлер прав, в целости порядок держался только на мощи Великих Магов.

Я сглотнул ком в горле и сказал как можно тверже:

– На этом заседании и выработаем меры, чтобы хаос подавить в самом зародыше. Пока еще никто за пределами этой комнаты не знает, что случилось. Воспользуемся моментом и захватим ключевые посты в королевствах, а важные объекты возьмем под усиленную охрану во избежание!.. По всей империи объявляется военное положение. Отечество в опасности! Для его спасения никакие меры не считаются чрез-

мерными.

Келляве тяжело вздохнул.

– Вот это по-нашему. А то мой меч скоро заржавеет.

Совещание затянулось на несколько часов, я оставил их обсуждать детали, вышел, сэр Норберт по моему знаку покинул его вслед за мной, суровый и уже снова с ничего не выражающим лицом.

Я поинтересовался:

– Чувствую, готовы принимать меры?

– Уже принял, – ответил он. – Неделю тому... Но сейчас, когда новость распространится, потребуется усиление. С вашего разрешения я пополню свои отряды местными.

– Задействуйте всю армию, – велел я. – Малыми отрядами рассредоточьте в королевствах, взяв под охрану прежде всего причальные пирамиды.

– А королевские дворцы?

Я пожал плечами.

– В худшем случае разграбят. Но, скорее всего, самые энергичные из оставшихся постараются захватить в целости, а прежних королей объявят нелегитимными.

– А мы на чьей стороне?

Я ответил уклончиво:

– Решайте на месте, сэр Норберт. От вас зависит, кому оставаться на троне. Законным или узурпаторам.

Он слегка вздрогнул, заметно напрягся.

– Ваше величество... а это не чересчур?

– Пока не расшибем головы, – ответил я с откровенностью, – не узнаем, где граница чересчур. А теперь почувствуйте себя делателем королей!

Я видел, что при всей его невозмутимости даже посерел лицом, а голос дрогнул:

– Ваше величество... еще раз, мы не слишком?

– Слишком, – согласился я, – это не мы, сама жизнь несет. Вот такая она... И ни остановиться, ни затормозить. Постараемся, сэр Норберт, не расшибить головы в таком бурном потоке. Раньше получалось?

Он покачал головой.

– Раньше так высоко не залетали... Хорошо, сделаю. Только бы это бурное течение не закончилось крутым водопадом с высоты на камни... Ваше величество...

Он поклонился, отступил. Я ответил сумрачно, прощаясь:

– Сэр Норберт.

Но уже от двери он обернулся.

– Думаю, мало кто в империи поверит. Даже на этом со вещании не все, я видел. Великие Маги слишком нависали всей мощью над миром, вечные и бессмертные, чтобы какой-то варвар их... И хорошо, что не поверят.

Я сказал значительным голосом:

– Но я так и строил свое выступление.

– То-то я почувствовал подвох, – ответил он сумрачно. – Но это хорошо. Пока верят, что Великие вот-вот выйдут из пещер и вернут все назад, сами не бунтуют и не предприни-

мают. А кто поверит, таких меньшинство, начнут поспешно подстраиваться под новую власть. Чтобы успеть урвать первыми.

– Они и станут нашей опорой, – подтвердил я. – Неважно, умные они или просто хитрые. Те и другие лучше, чем просто дураки. А потом ряды этих поверивших начнут расти. И в конце концов вся империя начнет работать, как сказано в Священном Писании, в поте лица своего.

Он поклонился, лицо его словно окаменело, ответил чужим голосом:

– С вашего позволения...

– Начинайте, – разрешил я.

Он отступил, а я прошелся по пустому коридору, голова налита горячим чугуном, ни одной мысли, но лишь потому, что их слишком много, и ни одна не пропускает ни одну вперед.

Часовые у двери не подали вида, увидев, как я возвращаюсь к кабинету, из которого только что вышел со вздохом облегчения, даже спину расправил, а теперь вот снова...

Правда, я прошел мимо большого кабинета, где все еще согласовывают операцию по удержанию империи в целости, а во внутренних покоях сказал вполголоса:

– Карл-Антон... если все еще откликаетесь на свое имя, то вы мне нужны. Вообще-то я всегда вам рад, но деликатничаете, а я вот нет. Императорам нельзя быть деликатными, заключают гуманные и демократичные с человеческими лицами...

Я не договорил, пахнуло огнем и горящим железом, Карл-Антон возник посреди кабинета, халат в ржавых пятнах, одно пятно с дырой, по краям торопливо гаснут багровые искорки, поля шляпы с левой стороны укоротились, там дымится черная бахрома обгорелой ткани.

– Ого, – сказал я с удовлетворением, – вижу, алхимия уже на марше! Победном даже.

Он снял шляпу и промокнул ею лоб и щеки. Белки глаз уже красные и воспаленные, будто часами всматривался в яркий огонь. На лице от шляпы остались темные полосы.

– Да? – переспросил он в недоверии. – Я не заметил...

– А никто не увидит, – пояснил я, – где грань между наукой и магией. Сама алхимия как раз та область, где магия тихохонько, как скромный равлик, переползает в науку... Сэр Карл-Антон, мне нужна ваша помощь. Садитесь ближе к столу. Кофе, вино?

– И сахарное печенье, – сказал он. – Если, конечно, у вас еще есть силы творить такое волшебство.

– С великим удовольствием, – ответил я. – Всегда приятно угостить того, кто никогда ничего не требует, аж обидно.

– Ваше величество, – ответил он с достоинством, – я вам обязан жизнью. Все остальное такая ерунда.

Я отмахнулся, чувствуя неловкость.

– Да бросьте, Карл!.. Жизнь такая, то вас выручат, то вы кого-то. Иначе бы люди не выжили!.. Не берите в голову. За само собой разумеющееся благодарить даже неприлично.

Словно я бы мог иначе. Это было бы сродни оскорблению, не находите?.. Вот возьму и обижусь!

Он усмехнулся, взял чашу с вином, поднес ко рту и, опустив верхние веки, медленно втянул раздувающимися ноздрями ароматный запах.

– Прекрасно, – сказал он с чувством.

– Э-э... это не моя заслуга, – ответил я со скромностью. – Я только пользователь. Конечный.

Он сделал первый глоток, проговорил медленно:

– За все эпохи не держал в руке такой изящнейшей чаши и не пробовал такого вина.

– Знаю, – сказал я, – на что намекиваете так элегантно прямо. Все расскажу! Правда-правда. Кому еще могу?.. Вы единственный, кто поверит... или постарается поверить. Конечно, когда сопоставите некоторые странности. А сейчас я вас позвал в надежде на вашу помощь.

Он остро взглянул поверх края чаши.

– Не часто обращаетесь, ваше величество. Обычно сам навязываюсь. Я у вас в долгу, сэр Ричард. И никогда не забуду того, что вы для меня сделали.

– Вы появляетесь всегда вовремя, – заверил я. – Дело в том, что мне удалось собрать и оставшиеся кольца, амулеты и прочие вещички, которые Великие Маги унесли с собой в пещеры. Клянусь, я ничего не отнимал! Просто подобрал, это можно. Не гробницы же преступно раскапывал, прикрываясь дипломом археолога!

Его глаза расширились, как блюда.

– Сэр Ричард, – произнес он с чувством, – если вы суме-
ли...

– Да вроде бы, – ответил я, – как бы вот да. Я вообще-то
много чего теперь умею, глаза разбегаются. Теперь научиться-
ся бы уметь умело да еще так, чтоб не во вред. Второй раз
может и не повезти, а как раз наоборот, так бывает чаще,
жизнь не сказка... Вот и сейчас уже как пуганая ворона на
молоке, получилось ли, что замыслил? Хотите взглянуть?

Он вскрикнул:

– Спрашиваете!

Я вытащил из шкафа обе шкатулки, под жадным взглядом
чародея-алхимика опустил на середину столешницы. Чаша
задрожала в его руке и медленно опустилась на стол.

– Вот, – сообщил я с гордостью и беспокойством. – Обид-
но. Меньше, чем ожидал. Я было пару мешков приготовил,
хотел еще один захватить, побольше размером, чтоб не ме-
шок даже, а чувал, а тут всего лишь две шкатулочки!

Он покачал головой, взгляд не отрывался от шкатулки.

– У вас и запросы...

– Императорские, – ответил я скромно. – Даже импер-
ские. Надо привыкать жить на широкую ногу. Трудно, но я
справлюсь. Я вообще люблю вызовы такого рода.

– Выкладывайте на стол, – велел он.

– Да смотрите сами...

Он покачал головой.

– Могуущественные талисманы всегда с защитой. Брать в руки может только хозяин.

– Взорвется?

– Хуже, – пояснил он кротко. – Если дотронусь, стану хозяином. Потому что эти вещи уже без владельцев. Признают того, кто взял первым.

– Спасибо, – сказал я, – что предупредили.

И снова он взглянул с укором, а я сделал виноватый вид, но вообще-то уже в самом деле политик, не вижу ничего зазорного, чтобы выхватить у разини ценную вещь, пользуясь его невежеством.

А вот Карл-Антон, ни разу не политик, сохранил понятия о чести, достоинстве и старается не уронить себя недостойным поступком, а это как раз характерно для первых ученых мужей средних и полусредних веков.

Он молча смотрел, как я вытащил кольца и браслеты горстью, разложил по столешнице и выровнял ладонью горку, прикасаясь ко всем, затем просто перевернул шкатулку и высыпал остальное с такой императорской небрежностью, словно мелкую гальку.

– Как непочтительно, ваше величество, – заметил он с упреком. – Это же талисманы Великих Магов!..

– А я пролетарский император, – пояснил я. – Мир хижинам, война дворцам. Может, я вообще гот! Первые христиане вовсе отрицали роскошь и призывали ходить в рубище. Или в рубище, не помню, я не энтомолог.

Он сказал со вздохом:

– Я слышал, ваше величество, что если вас связанным по рукам и ногам бросить в море, выплывете на берег со щукой в зубах!.. А тут вот какие сокровища.

– Преувеличивают, – буркнул я, – щука – речная рыба. Разве что обычного кальмара или какого-нибудь кракена?.. Дорогой друг, как вы тогда верно сказали, случившееся нужно держать в тайне. Теперь уже и по другой причине.

Он наклонился над столешницей, рассматривал талисманы, изготовленные в виде колец и браслетов, сперва навис над ними, как темное небо, затем начал заглядывать сбоку, стараясь понять значение значков на внешней стороне колец.

– Вы насчет этих талисманов?

– И про талисманы, – ответил я, – и что мне повезло с убиением Великих Магов, как редкостному дураку. Я всегда гордился, что у меня успехи, а не удачи, а тут на тебе... стыд какой!.. Вы понимаете, что если пожелать кому-то удачи, то это вежливо обозвать его дураком, который сам ничего в жизни не добьется?

Он не отрывал взгляд от рассыпанных на поверхности стола сокровищ, на лице застыло выражение предельной внимательности.

– Понимаю, ваше величество. Хотя есть мнение старых мыслителей, что удачливость – это такая же категория, как рост, цвет волос, ширина ноздрей, только более редкая... Таким людям, как говорят в народе, всегда везет.

Я ответил уязвленно:

– Сэр Карл, я такую инсвинуацию отмечаю с негодованием. За исключением этого постыдного, хоть и радостного случая, я всегда сам и своими руками, как холостяк какой! Ну, руками не всегда, но все-таки сам.

Он чуть-чуть поклонился, не отрывая взыскивающего взгляда от магических сокровищ, а они даже меня манят ухватить в обе горсти.

– Для народа, – проговорил он отстраненно, – удача ценится выше. Если добились сами, скажут, и у них получится, а если только вам везет, то это особый человек, с таким спорить нельзя, а только кланяться и подчиняться!

Я скривился, словно сделал глоток укуса вместо хорошего сладкого вина, а он молча взял гусиное перо из узкого стаканчика, потыкал кольца, разгребая и переворачивая, а заговорил медленно и отстраненно, словно разговаривая сам с собой:

– Хорошо-хорошо, в самом деле, вы же император... Для народа это уже везенье.

– Сэр Карл! – возразил я, уже ошетиливаясь, как игольчатая рыба-шар. – Я не везунчик, а скорее невезунчик!.. Это единственная за всю мою жизнь удача, а вы мне тут вообще хрен знает что приписали. Везде удача, надо же! Я всего добивался сам, своей волей, усилиями и всегда вопреки... Нет уж, не хочу в везунчики... Это оскорбительно и недостойно такого мыслящего и барахтального человека, как я!

Он пробормотал, внимательно рассматривая кольца:

– Тогда избранник небес? Или любимец фортуны?.. Простой Избранный?

– Нет, – отрезал я. – Все, проехали. А что уважения меньше будет... Со стороны дураков меньше, а вот умные уважать будут больше.

Он напомнил с холодком в голосе:

– Умных мало, ваше величество. А вы царствуете над массами, где умных – как крупинок золота в горе пустой породы.

– Но рулят они.

Он на миг оторвал взгляд от россыпи колец и посмотрел на меня с интересом.

– Обычно властелины окружают себя поддакивающими подхалимами, но у вас, как я заметил, этого пока не случилось. От ощущения силы?

– Вряд ли, – ответил я откровенно, – одно дело, каким стараюсь показываться людям и народу, другое – как чувствую себя сам. Да что вы так осторожничаете? Неужели в самом деле бабахнут, если возьмете в руку?

– Амулеты с особо мощной магией всегда защищены, так или иначе... Они могут принадлежать только одному человеку. Их нельзя продать, поменять или подарить. Только смерть владельца прерывает эту связь...

– Ну-ну, – поощрил я, – что еще? Да возьмите же, осмотрите!

Он потряс головой.

– Нет-нет, я же сказал, могут признать хозяином меня. А я хочу, чтобы вы в этом чужом мире были защищены.

– Спасибо, – сказал я. – Вы меня удивляете, Карл-Антон. Сэр Карл-Антон...

Он запротестовал:

– Какой сэр, какой сэр?

– К вам так обращаются рыцари, – напомнил я, – а я не могу игнорировать их... возвышенные запросы. К тому же вы постоянно демонстрируете качества, присущие только благороднейшим из рыцарей, так что терпите, когда вас величают... Сперва поговаривали, что вы из знатнейшего рыцарского рода, а теперь появился слухок, что вы вообще принц из дальней страны. Народ обожает такое... Так что с этим амулетом, вы его рассматриваете с такой опаской?

– Возьмите в руку, – сказал он, – подержите. Не знаю, может быть, пощупайте, сдавите, погладьте... Пусть запомнит и примет. Я не знаю особенностей южной магии. Мы на севере развиваем ее в себе, для меня призывать демонов все еще в диковинку, такой путь не кажется правильным... Основа одна, но здесь пошли чуточку по другому пути.

Глава 7

Я держал, как он велел, сперва кольцо, затем другие амулеты, на которые он указывал, в ладони, кончиками пальцев осторожно щупал завитушки замысловатых узоров, касался камешков, но пока замечал только ювелирное изящество, чародеи действительно поработали на совесть, что значит, для себя делали.

В подушечки пальцев слегка кольнуло, от одного колечка пошло тепло в ладонь, а затем и по руке.

Карл-Антон неотрывно наблюдал за моим лицом, про чашу с вином не забыл, но с аккуратностью ученого отодвинул ее на дальний конец стола.

– Ощутили?.. Что-то есть, да?..

– Тепло, – ответил я осторожно, – но к добру или к худу...

– Признают вас, – сказал он с уверенностью, – что и требовалось. А к добру или к худу – потом узнаете. Теперь можете давать щупать другим, перед женщинами побахвалиться или что-то как-то. Эти амулеты станут только вашими, а остальные, кому дадите трогать, будут держать просто красивую вещицу.

Я сказал оскорбленно:

– Щас я дам кому-то трогать!

Он улыбнулся.

– Естественная реакция. Вы удивительный человек, ваше

величество, но в чем-то как и все мы. А то и вовсе проще.

Я пробормотал:

– Широкий человек, широкий... А почему остальные на меня никак?

Он дотянулся до вновь заполнившейся вином чаши, большими глотками осушил, а когда аккуратно опускал на столешницу, пояснил:

– Возможно, им нужно просто больше времени. Наденьте кольца на пальцы, браслеты на запястья или предплечья, пусть вчувствуются в вас, наладят связь.

– Вообще-то, ожидал таких вещей побольше, – признался я. – В количестве.

Он молча смотрел, как в его чаше появилось и начало подниматься кверху вино, остановилось у краешка, только тогда спросил:

– С чего вдруг?

– Здесь кольца всех-всех Великих Магов континента! Не империи, Карл-Антон, континента!

Он вздохнул, покачал головой, в его взгляде я увидел отчетливо, с каким дремучим невеждой имеет дело.

– Ваше величество, вы в самом деле удивительное... существо. При вашей дурости, уж простите за выражение, в вопросах, которые вроде бы должны знать, одновременно обнаруживаете...

Я ощутил, как внутри все ощетинилось, как у любого существа, что ощутило угрозу.

– А в чем моя дурость?

– Чем маг могущественнее, – сообщил он, стараясь, чтобы это не прозвучало слишком уж снисходительно, но я все равно ее уловил, – тем меньше нуждается в разных кольцах. Нет-нет, здешние маги не пошли по нашему пути, все так же предпочитают владеть вещами и демонами, но все равно каждый старается создать универсальное кольцо или браслет! И у большинства получается, хотя на такое уходят сотни лет каторжного труда, усилий и умений.

– А-а, – сказал я заинтересованно, – значитца, в одном кольце может быть десяток?

– Свойства десятка, – уточнил он. – Это уровень, ваше величество. Как бы иной вельможа ни увешивал себя золотыми звездами и бриллиантами, но одна-единственная корона на вашей голове сразу показывает, кто могущественнее.

– Понял, – сказал я и радостно потер одна о другую свои загребушие, – это как бы весьма, даже весьма зело!.. А то не лепо ли не бяше...

Он снисходительно улыбнулся, глядя, с какой жадностью смотрю на кольца, их больше всего, а еще на ручные и ножные браслеты. Если бы вздумал натянуть все, пришлось бы отрастить еще с полдюжины ног и рук, да и грудь бы покрыл драгоценными камнями на золотых цепочках в пять-шесть рядов.

Понятно, что не просто драгоценные камни, маги не тщеславны, одеваться предпочитают просто и достаточно скром-

но, в камнях любого достоинства огромная мощь, понять бы только какая. Карл-Антон и то морщит лоб, хотя с момента прибытия на Юг только и занимается изучением особенностей местной магии.

Он осторожно поддел кончиком гусяного пера одно из колец и подвинул в мою сторону.

– Этот перстень позволяет видеть Великих Магов.

Я вздрогнул.

– Разве не все вымерли?

Он покачал головой.

– Все. Но я к великим отношу и тех, кто равен им по мощи, но не стал по каким-то причинам строить Башни.

Я спросил с напряжением в голосе:

– А по каким причинам могут не строить?

– Разным, – ответил он сухо. – Однако, ваше величество, я улавливаю ход ваших мыслей. Да, вполне допустимо, им Башни не нужны для бессмертия.

– То есть, – проговорил я осевшим голосом, – эти Странствующие могут быть даже мощнее Великих Магов?

Он кивнул.

– По крайней мере, в этом. Возможно, в чем-то еще. Но, думаю, их единицы, ваше величество. Если вообще существуют.

Я указал взглядом на кольцо с камушком.

– Но если создано такое кольцо...

– Да, – повторил он, – явно не для того, чтобы видеть дру-

гих Великих Магов. Они, насколько я понял, вообще предпочитали не общаться. Хотя, ваше величество, кольцо могло быть создано просто на всякий случай. Великие Маги, охраняя свое бессмертие, стараются предусмотреть все опасные случаи. У бессмертия есть время, чтобы предусмотреть не только маловероятное, но и вообще.

Я пробормотал:

– Похоже, становлюсь таким же. Во всяком случае, спасибо за колечко, сейчас же надену.

Он с любопытством и некоторой тревогой наблюдал, как я надвигаю на безымянный палец. Даже руку протянул, готовый остановить меня в любой момент. Колечко пришлось точно по мне, даже показалось, что слегка уменьшилось в диаметре, чтобы плотнее обхватить палец.

Там почувствовалось легкое покалывание, перешло в ощущение тепла, тут же стихло.

– Есть, – сказал он, наблюдая за моим лицом, – работает.

– А... как?

– Посмотрите на меня, – предложил он. – Внимательно.

Я впери́л в него взгляд, но Карл-Антон выглядит точно так, как и до этого, только во взгляде жадное ожидание.

– Ничего, – ответил я упавшим голосом. – Разрядилось, наверное. В смысле, выдохлось. Магия испаряется?

Он посмотрел на меня внимательно.

– Разрядилось? Не слышал о таком.

– Я тоже, – сказал я примирительно. – Это так, предполо-

жение.

Он пробормотал:

– Мне бы в голову не пришло. Видимо, в вашем... гм, королевстве такое, как вы говорите, испаряется?

Вместо ответа я указал на широкий браслет из очень темного металла.

– А это с чем-то недобрым?

– Чувствуете?

Я ответил с неуверенностью:

– С черным цветом недобрые ассоциации. Не зря же при дворах все такие яркие, в светлых тонах.

– А-а, – протянул он, я уловил в его сдержанном голосе легкое разочарование, – вот почему... На самом деле в этом колечке, вы правы, нечто очень злое. Я бы не советовал надевать на пальцы, пока не узнаю лучше... А вот эти два уже знаю, видел рисунки в магических манускриптах южан. Вот это защищает от болезней, а это позволяет моментально видеть, если кто вам врет.

– У меня это умение от моих предков, – ответил я, не уточняя, что то не совсем мои предки.

– Тогда подарите кому-нибудь, – ответил он равнодушно. – Эти мне тоже знакомы...

Он указывал пальцем, некоторые брал в руки и объяснял, что эти без привязки к владельцу, могу носить сам, могу подарить, будут служить так же, как и мне. Точнее, всякому, кто наденет на палец.

Я слушал, раскладывал кольца, даже не сразу услышал, как Хрурт открыл дверь и прокричал:

– Ваше величество, герцог Дарабос!.. Говорит, срочно.

Я покосился на чародея.

– Погоди минутку. И зови.

Хрурт кивнул и вышел, Карл-Антон сказал тихонько:

– Ваше величество, он меня не увидит.

– О, – сказал я, – тогда не исчезайте. У меня от вас нет государственных тайн. Вам все равно неинтересны, а про баб мы с герцогом не разговариваем.

– А это не будет...

– Не будет, – прервал я. – Только учтите, у Норберта мощный амулет против незримников.

– Южный, – напомнил Карл-Антон с некоторой горделивой скромностью. – А у меня магия северная, у нас разные истоки.

Спустя минуту дверь распахнулась, Норберт вошел быстрыми шагами, ровный и бесстрастный, кончики усов приподняты, во взгляде я все же уловил скрытое торжество.

Я покосился на Карла-Антона, однако там только пустое кресло. Сэр Норберт красивым жестом сорвал с головы шляпу, взмахнул в коротком приветствии.

– Ваше величество...

– Сэр Норберт, – поприветствовал я. – Какие новости?

Он проговорил с прежней бесстрастностью, только голос прозвучал самую малость приподнято:

– Все еще работаем с теми заговорщиками, что остались в герцогстве Клауренском. Есть результаты.

Я потер ладони с таким энтузиазмом, словно быстро-быстро крутил в них палочку для разжигания огня.

– Давайте!

– Похоже, – сказал он, – речь все же о недрах, как мы и предполагали. Не знаем еще, залежи золота там или накопившие огромную мощь камни, но что-то именно под землей. И даже знаем где!

– Ого, – ответил я. – Насколько точно?

– Почти уверен, – сказал он. – Но ареал, правда, великоват. Примерно в милю. Еще поуточняем, сузим. Какие распоряжения?

– Продолжайте, – велел я. – Сэр Норберт, мы в парадоксальной ситуации. У нас есть мощь, чтобы уничтожить все эти королевства и даже империи, но мы все ближе не просто к поражению... а к исчезновению. Я ищу хоть что-то, что может изменить ситуацию!.. Возможно, именно в недрах и отыщется...

Он кивнул, всмотрелся пытливо.

– На скайбагере ничего не отыскалось, ваше величество?.. Хорошо, может быть, удастся в пещерах... Значит, не оставлять это дело?

Я сказал горячо:

– Сэр Норберт, от вас очень много зависит!.. Я вообще цепляюсь за соломинку!.. Никто из наших не видит, как на-

чинаем растворяться в этом сладком мире, что лишает нас мужественности и цели... но спастись бегством обратно на север – позор и поражение!

Глава 8

Когда за ним закрылась дверь, Карл-Антон вышел из незримости, словно из-за шторы, сумрачный и с выражением сочувствия на лице.

– Я не удалялся, – сообщил он, – и все слышал. Полагаете, где-то близко к поверхности может быть город или поселение Древних?..

– Шанс есть, – согласился я. – Или что-то вовсе не известное. А неизвестное теперь не радует, как раньше, а пугает. Старею, да?

Он спросил, не отрывая от меня пронизывающего взгляда:

– Но известное вам?

Я помотал головой.

– Нет, мне тоже. Однако я, хоть и с трудом, разберусь, потому что... ну, потому...

– Потому что в королевстве, – сказал он, приходя ко мне на помощь, – откуда вы, что-то близкое?

– По духу, – пояснил я, – по мышлению, по образу жизни. Но давайте закончим с кольцами. Они здесь и сейчас, а в недрах то ли город чудес, то ли погрузившийся метеорит с особыми свойствами.

Я умолк, чтобы не начинать рассказывать о метеоритах и необычных свойствах гостей из космоса, а он кивнул, пони-

мая и принимая мою позицию, начал приподнимать кончиком пера кольца и браслеты, складывать в отдельную кучку.

– Эти призывают демонов, – объяснил он. – Каких, вот так по кольцу не узнать. Их, как видите, большинство, это самые простые кольца. По изготовлению. Но чтобы получить власть над действительно могучим демоном, нужно быть самому очень могучим магом. Большинство же ловит бесполезную мелочь...

– Значит, – спросил я, – здесь по большей части мелочь? Он покачал головой.

– Мелочи здесь нет, ваше величество. Это для уже пойманных могучих демонов. Кольца с мелочью Великие Маги вообще, как думаю, с собой не брали.

Я тупо смотрел на эту россыпь, медленно соображая, что придется вызывать по одному и давать им свободу, объясняя, что никакой хитрости в этом нет.

Этих уже не обвинишь, что в час грозной схватки с Гатонисом не встали не мою сторону. Все были в рабстве у магов ранга Гатониса и своей воли не имели. Потому...

Хотя, с другой стороны, все равно нужно отпускать после какого-то поручения, чтобы видели, человек мог принудить их к вечному рабству, но вместо этого дал свободу. Так нагляднее.

– Со временем разберусь, – пробормотал я, – хотя уже знаю, отложенное на потом обычно навсегда. А что за браслеты я нахапал? Не знаю, как вам, но моей тонкой натуре

кажутся пугающими. Хотя с виду настолько изящные, что их больше женщинам носить, чем нам, самцам...

Он взял один, который я уже потрогал раньше, взвесил на ладони.

– Легкий, металла такого не знаю, но явно металл... Однако растягивается, как...

Он остановился, поднимая слово, я брякнул:

– Как резина?

Он взглянул внимательно.

– Ваше величество, другие не обращают внимание, но я замечаю, когда проговариваетесь. Как тонкая ткань, я хотел сказать. Что такое резина, не знаю, да и никто здесь не знает.

Я взял с его ладони – легкий, словно из папиросной бумаги или однослойного графена, – задрал по плечо рукав рубашки.

Карл-Антон внимательно следил, как надеваю на бицепс. По тому, как растягивается, похоже, можно нацепить на бицепс любого размера, даже если с бревно, но не жмет.

– Не давит?

– Точно по руке, – заверил я со странным чувством ликования и тревоги. – Штука с дружественным интерфейсом. Узнать бы еще, для чего служит.

– А вдруг просто для украшения? – проговорил он.

– У Великих Магов? – спросил я с недоверием.

Он улыбнулся.

– Я пошутил. К сожалению, чувство юмора с возрастом

угасает. Точно не жмет?

Я покачал головой.

– Будто там ничего и нет.

На всякий случай поднял спущенный было рукав – браслет на месте, тихий и неприметный, словно татуировка под цвет кожи.

Карл-Антон вздохнул.

– Видимо, вы в самом деле удачливый человек, иначе бы давно голову сломили.

– Да ладно, – сказал я, – они ж не активированные!.. Это как, скажем, механическая лошадь. Сена не просит, каштанами не сорит, может годами стоять в стойле, просто мертвый механизм. Пока не повернешь ключ, не очнется и не... понесет, куда велишь.

Он посмотрел несколько странно, но смолчал, гусиное перо в его руке ловко поддевает кольца, некоторые нанизываются на стержень с толстым очинком, чародей приподнимал повыше под луч солнца из окна, значки на ободке некоторых колец почти стерлись, что значит, Великий Маг пользовался ими постоянно или хотя бы часто.

– Знаете ли, – признался я, – любой человечек счастлив заполучить хоть одно из этих колец! Сразу начинает мечтать, как станет властелином мира!.. А здесь вон, как вы говорите, каждое равно десяти! Какой-то перебор.

– Не каждое, – уточнил он, – многие с одним свойством, но достаточно сильным. Однако если вам это не нравится, я

могу унести и раздать бедным.

Я раскинул клешни, не давая ему протянуть руку к моим сокровищам.

– Но-но с такими шуточками! Аж в сердце захолонуло!.. Все мое, ничего в общественное пользование! Кроме, конечно, как из моих владительных дланей. Есть же тут сломанные, бракованные?

Он спросил с любопытством:

– А какими награждать изволите?

Я указал взглядом на кучки.

– Нужно перебрать их по другому принципу. На оборонительные и наступательные. Особо доверенных буду награждать оборонительными, не хочу терять дорогих мне людей.

Он кивнул.

– Да-да, или полезных отечеству, прогрессу и сельскому хозяйству.

– Зря иронизируете, – сказал я, – с сельским хозяйством будут проблемы. Великие Маги не допускали засух, саранчи и других радостей, там что нужно сеять и сажать устойчивые к климату. Государству предстоит сделать большие запасы зерна на случай недорода, войны или других испытаний, которые насылает на нас Господь.

– Жестокий у вас Господь, – сказал он с сочувствием.

– Ничуть, – возразил я. – Он нас просто закаляет. Готовит к свершениям.

Он кивнул, поднялся во весь рост.

– Ваше величество, вы со всем разберетесь. Но, если что, назовите мое имя. Я услышу, где бы ни оказался.

– Карл, – сказал я с чувством, – что бы я без вас делал?

Он улыбнулся, понимая преувеличенность комплимента, отступил на шаг. Я ждал с интересом момента исчезновения, чародей на Юге постоянно экспериментирует, прошлый раз просто растворился в воздухе, еще раньше исчез, как материальное тело, и в пустоту ринулся воздух, сдернувший со стола пару бумажек, не однажды входил в стены, пару раз проваливался в пол так, что у меня сердце обрывалось...

Похоже, он догадывается, чего жду. Глаза вспыхнули, как яркие звезды, из тела выметнулась часто хлопающая мохнатыми крыльями стая летучих мышей, да так много, что сам чародей исчез, словно он и есть этот самый рой страшноватых рукокрылых.

Мыши тоже исчезли, беззвучно проникая в стены, словно те из тумана, а мыши из нейтронных звезд. В комнате остался легкий и быстро улетучившийся запах мелких звериных тел.

Я вздохнул, перевел взгляд на кольца, те на середине столешницы блестят с прежней тусклой загадочностью. Мне почудилось, что некая сила тянет к ним, остановился, прислушался. Странное ощущение исчезло, однако к столу я подошел с заметной настороженностью.

Судя по кучкам, наступательных или нападательных колец, как я их назвал, оказалось немного. Маги не покидали

своих Башен, потому почти все усилия были направлены на то, чтобы еще и еще как-то защитить себя и Башни, хотя те и так сами по себе почти несокрушимы.

Я с холодом подумал, что мне тогда в башне Гатониса просто повезло. Удалось привлечь обещаниями вечной свободы огромный отряд из плазменного мира демонов, но без внеземной мощи Багровой Звезды Зла остальные Башни и сейчас стояли бы как символ вечной мощи магов.

Некоторые кольца, свойства которых Карл-Антон объяснил, и они не показались мне опасными, все же с осторожностью надел, испробую, когда выкрою время.

Отдельно отложил с черным камнем, беспокойство при взгляде на него только усиливалось. Карл-Антон походя упомянул, что мощь в нем огромная, но для чего предназначена, пока не знает.

Что-то здесь не так. Либо может убить при попытке перемещения, либо в использовании есть какие-то опасные ограничения. Скажем, восхожу из этой комнаты в соседнюю, кольцо послушно метнет в ту сторону... не обращая внимания на такой пустяк, что между комнатами стена из камня.

Не знаю, спасет ли моя ускоренная регенерация из мокрого пятна и упавшей на пол сухой шкурки? Проверять не хочется, император должен быть осторожным хотя бы ради империи, это чтоб не признаваться, что трусит.

Без Карла-Антоня не разобраться, просто незаменим, однако страшновато и неудобно зависеть даже от самых пре-

красных и чистых людей. Самый идеальнейший может измениться. Не меняются только дураки, хотя в мире дураков как раз такое считается достоинством, дескать, каким был в детстве, таким и остался, сохранил верность принципам!

Жаль только, что умнея и развиваясь дальше, переходя со ступеньки на ступеньку развития, человек не всегда остается на той стороне, которую условно называем Добром.

После тревожного дня в голове мутная тяжесть, вышел на балкон подышать ароматами цветов и еще более мощными запахами дамских духов, притираний и втираний со двора.

На всякий случай облачился в шкуру незримника, не хочу слышать снизу льстивые вопли «Да здравствует император!».

Двор заполнен гуляющими, у придворных это и есть работа: напоминать о себе, попадаться на глаза более знатным и льстиво кланяться, всем видом говоря, что полностью в их распоряжении и к их услугам, а еще мечтая попасть на глаза всемогущему императору и получить его расположение.

Кавалеры не уступают дамам в пышности нарядов, я, как из ложи театра, некоторое время тупо созерцал как бы тщательно костюмированную пьесу времен раннего Версаля.

Мужчины и женщины в изысканных и причудливых костюмах, даже с высоты балкона заметен на лицах толстый слой белил, сверху румяна, жирно подведенные черным глаза.

Моих в этом беспрестанном движении вроде бы нет, все заняты... хотя вот прошел герцог Дарабос, этот все еще старается оставаться верным идеалам Севера и в то же время не слишком выделяться среди придворных, как того требует его профессия. Давно сменил доспехи на легкую кирасу, под рубашкой мелкочейстая кольчуга, длинные рукава из металлических колец маскирует манжетами, пусть и не такими пышными, как у сэра Альбрехта, а вместо меча на поясе кинжал в изящнейших ножнах с золотыми накладками на красном металле, тоже смотрится как украшение костюма, тем более что и рукоять густо усыпана сверкающими рубинами.

Две дамы, что его сопровождают, Джесина Артерберри и Николетта Ваинврайт, из знатнейших родов империи, но, думаю, Норберт общается с ними не из-за их высоких титулов. Хотя, возможно, и потому, не забывает о работе даже в такие вот минуты вечернего отдыха, стараясь быть в курсе всех придворных интриг, течений, настроений и смутных желаний большинства.

Поля шляпы бросают тень на его лицо, не могу рассмотреть выражение, с дамами разговаривает наверняка иначе, чем с императором, и улыбается тоже чаще, хотя смеющимся вроде бы еще не видел.

– Все работают, – пробормотал я, – только я разнюнился. Повернулся уходить, а со двора донесся взрыв женского смеха, звонкого и беззаботного, слышу в нем игривость

и бездумное желание продолжать это счастье флиртовать, строить глазки, обмениваться полунамеками, подавать знаки веером и перемещаемыми мушками.

И только мы, северяне, как дураки, все еще не понимаем этого счастья, хотя уже потихоньку погружаемся в него, зачарованные и медленно отступающие от своих идеалов.

В кабинете сказал строго застывшему у двери Хрурту:

– Выйди и последи, чтобы никто не зашел! Я буду беседовать с Господом или сам с собой, мне много чего нужно сказать и спросить.

Он посерьезнел, поспешно вышел и, прикрыв за собой, прижался к двери спиной, я чувствовал и через толстые дубовые доски жар его тела, чертова моя гиперчувствительность.

Еще раз придавив в себе протестующего интеллигента, что вякнул было о правах человека, имея в виду демонов, я произнес негромко:

– Кракандельт!.. Явись передо мной, как лист перед травой... В смысле, просто явись.

Мягко громыкнуло, комнату чуть колыхнуло, а пространство сдвинулось. На краткий миг мелькнуло сквозь призрачную стену дальнее море и пальмы, а посреди кабинета на нужном удалении возникло тело гигантской рыбы с мощными плавниками – с такими была, наверное, первая кистеперая на берегу.

– Слушаю и повинуюсь, – сдержанно прогрохотал голос,

рыба сплющилась, превращаясь в широкую лепешку, а из нее поднялся блистающий металлом гриб весом под сотню тонн. – Мой господин?

Я с самым виноватым видом, ничуть не прикидываясь, развел руками.

– Кракандельт, страшно стыдно, но ты нужен миру и армии. В основном армии, но мир держится на крепкой армии, а ты вон какой!.. Прямо ее олицетворение.

– Слушаю и повинуюсь, господин.

– Есть работа, – пояснил я, – на благо. Всем на благо. Если хочешь, возьми себе в подмогу пару собратьев, я им тоже дам вольную!.. Только за то, что будут хвост тебе заносить на поворотах. Ты ж непременно отрастишь, я же знаю! У вас хвосты что-то вроде знака доблести?

Он громыхнул шепотом:

– Слушаю и повинуюсь.

– На этот раз совсем пустячок, – повторил я. – Ты же магов не любишь так же крепко, как и я?..

– Слушаю и повинуюсь, мой повелитель!

Я вздохнул, заговорил торжественно и высокопарно, почему-то тянет говорить с демонами именно так:

– Так и думал, мы же с тобой одной крови, как Каа и Маугли. Потому, думаю, тебе даже понравилось бы мое задание, если бы смог его оценить. Уверен, выполнишь с удовольствием. Хотя, конечно, выполнишь, даже не понимая, что делаешь, но потом получишь чистое и незамутненное, как ваш

плазменный океан, удовольствие!

– Все выполню, повелитель.

– Как ваш вождь и Освободитель, я намерен вообще искоренить магов, порабошающих демонов! Да, как демократ и отец народа, а это значит – за равные права и возможности людей, демонов и даже кого-нить еще, потом решу.

– Хозяин?

– Башни, – напомнил я. – Великие Маги отныне вовсе не великие и вообще никакие. Волшебные кольца ты все собрал и унес. Однако мир все еще велик, хотя постараюсь сузить, как завещал Федор Михайлович. Где-то могут таиться залежи камня, накапливающего магию. Понял?.. Нет?.. Зачем нам новые маги, что нагребут таких камней, наберутся мощи и станут Великими?

Он проговорил тупо:

– Приказывай, повелитель.

– Все вы особо чувствительны к магии, – напомнил я. – Одни меньше, другие больше. Ты вон вообще нервный, как скрипач какой чуткий. И тоже поэт, понимаю, хоть и толстый... Потому повелеваю отыскать залежи такого камня! Где бы те ни находились. Отыскать и доложить. Я объявлю их государственной собственностью. Это обезопасит вас! Видите, как забочусь о подданных?..

Он смолчал, то ли не понял, что я и демонов записываю в подданные, то ли не может вообразить себе такого императора.

– Сможешь сам? – спросил я участливо. – Или в одиночку не справишься?

– Эти камни и под землей, – напомнил он ровным и тем же громыхающим голосом. – Их тоже?

Я задумался, сказал осторожно:

– Давай проведем грань...

– Мой повелитель?

Я пояснил:

– Сделаем так. Если человеки могут достать такие камни, сообщите. Примем меры военного времени, согласно тоталитарной демократии. Потому что на большой глубине, оставь. Пусть у потомков голова поболит, а то все хотят за наш счет! Вечно у них предки не те, страна не та, а валить некуда... Все понял?

Он ответил гулким голосом:

– Да, мой повелитель.

– Выполняй, – велел я.

Глава 9

Он отступил на пару шагов, пригнулся, почти прижимаясь к полу, как для прыжка к потолку, но момента, когда отталкивается и взлетает вверх, я не увидел, он просто исчез, а устремившийся в пустоту воздух выдернул у меня из руки гусиное перо.

Подобрав его на полу, я пересек широкими шагами кабинет и, приоткрыв дверь, увидел там вместо Хрурга его напарника Периальда.

– А где Хрург?

Периальд вздрогнул и взгляделся в меня расширенными глазами.

– Сейчас придет, ваше величество, – ответил он чуть вздрагивающим голосом. – Говорит, что-то личное. Наверное, хочет меч сменить на из местной стали.

– Да, – согласился я. – У нас это личное. Теперь можешь пускать. Я поговорил сам с собой, мы пришли к соглашению.

Он сказал опасливо:

– Ваше величество, вы уж не выходите из себя!.. Я слышал такой страшный голос, будто дракон какой, а то и сам сэр Растер ревет!.. А то еще подеретесь, а вторая ваша половинка, судя по рыку, не слабенюкая...

– Я люблю договариваться, – сообщил я. – Иногда, конечно, доходит и до драки, но все улаживаем. Так что у вас пра-

вильный император. Чуть что, в рыло! Так и живем, а теперь вот даже раскланиваемся.

Он ухмыльнулся, узнавая знакомые нотки, а я вернулся и рухнул за рабочий стол. На столешнице возникла чашка с дымящимся кофе, я с полминуты тупо смотрел на нее, не понимая, когда это заказал, или это мое подсознание за меня решило и даже исполнило, раз уж кофе делаю часто и быстро, почти бездумно, без прежних усилий и сосредоточения.

Нужно брать себя в руки, мелькнула опасливая мысль. А то в самом деле Периальд окажется прав, буду спорить со своим внутренним «Я», а потом и вовсе начнем бить друг другу морды.

Дверь приоткрылась, в щели возникла половинка широкой физиономии Хрурта.

– Герцог Гуммельсберг, ваше величество!

– Впусти, – буркнул я. – Трупы уже спрятал.

Альбрехт вошел все такой же нарядный, шляпа размером с ипподром, где до самых трибун разбили цветник, однако мне почудилось, что краски на нем поблекли от шляпы до сапог, по крайней мере, лицо хмурое, как небо перед холодным дождем.

– Что-то случилось? – спросил я. – Принц, вы как яркий мотылек со стертой пыльцой на крыльях. Даже шляпа как не ваша шляпа, а просто шляпа. Что-то не так с женщинами? Переели?

Он взглянул на меня непонимающими глазами.

– Женщины? Какие женщины!.. Это вам все хи-хи, ваше величество, а мы головы ломаем... вы же не подумали, что случится в мире без Великих Магов?

– Присядьте, принц, – велел я. – Не поверите, я о них думал с первого дня высадки. Даже там, на Севере, что отсюда в самом деле даже нам кажется Севером. А как только вышли из Маркуса, я уже ломал голову, как с ними обойтись без драки.

Он опустил в кресло с непривычной грузностью, я же привык, что он элегантно быстр и точен в движениях, как кузнечик, взглянул на меня недобрыми глазами.

– Без драки? Вы?

Я кивнул.

– Конечно, насчет драки думал тоже. Еще чаще.

– Ну вот...

– Но это, – пояснил я, – крайний вариант, а я уже как-то не человек крайностей. Сейчас вот чувствую себя таким умеренным, что самому противно, хотя знаю, мир держится на умеренности и компромиссах, а не на каких-то слонах или черепахе безразмерных размеров.

– Ваше величество, – произнес он с нажимом, – несмотря на вашу пламенную речь, которую во дворце все еще стараются понять, королевства ждут Великих Магов. Дескать, вот-вот выйдут и все вернут назад, как было. Боюсь, даже те, кто слушал вас, не поверили, что эти извечные правители навсегда останутся в пещерах.

Я буркнул:

– Пусть ждут. На это и был дальний и мудрый расчет вашего императора, что умеет мыслить глобально. Нам важно расколоть это уверенное в себе монолитное общество. Отдельные группы переваривать легче. Хотя куски тоже гигантские, но против монолита у нас вообще не было шансов.

Он покачал головой.

– Но когда-то ожидание оборвется.

– Успеем, – пообещал я. – Надеюсь, успеем. Хотя пока не знаю, как. Вина, кофе?

Он огрызнулся:

– Еще сладких булочек предложите!.. Ненавижу. Хотя, впрочем, чашу вина неплохо, с вашего изволения. Без булочек.

– Правильное решение, – согласился я. – Какие булочки, когда проблемы... Если раньше империю держали в крепком кулаке эти чародеи, то теперь, как только народ не просто узнает, но и поверит...

Он протянул руку к чаше, но не притронулся, пока на столе не появилась вторая. Я взял, только тогда он приподнял свою на уровень глаз.

– За ваше здоровье, ваше величество. Похоже, влипли? И поражения нет, вроде одни победы, но почему чувствую себя на краю бездны?

– Еще есть время, – сказал я с надеждой, – хотя, конечно, в обрез. Власть императора по большей части парадная,

а теперь, когда настоящая исчезает по мере того, как время покажет нашу правоту... я имею в виду насчет Великих Магов, почему королевствам не провозгласить независимость?

Чашу я создал побольше, а вино крепкое, какого не знают в этом мире, Альбрехт пил мелкими глотками, лоб постепенно собрался в крупные морщины.

– А что, если... пусть?

– В смысле?

– А что плохого в независимости? – спросил он. – Это их законное право.

Я покачал головой.

– Это право придумали короли. Для себя. Народ все равно зависим. Хотя бы от того же короля. А короли, почуяв возможность освободиться от власти императора, тут же начнут так называемую национально-освободительную войну за свободу!.. А мы, как гуманисты с человеческим лицом, обязаны поддержать, не так ли?

Он уточнил с некоторым недоверием:

– Но мы же не эти, которые с человеческим лицом?

– К счастью, – ответил я, – мы трезвенники. Да вы пейте, принц, пейте!.. Еще сделаю. А вы бабам будете похваляться, что вам сам анпитатор прислуживал!.. Я о трезвости ума, которую ни на каких пирах не пропиваем. Потому понимаем, война начнется всех против всех. От власти империи постараются избавиться, это легко, но всерьез и весьма кроваво воевать начнут с ближайшим соседом. К соседу всегда ко-

пится куча обид и претензий, потому законное право перебить у него население и сжечь города!

– Ого, – произнес он, – в самом деле, начинаете мыслить масштабно, ваше величество. От настоящего императора вот так с ходу и не отличишь. Что голос, что осанка, что высокие слова...

Я, продолжая смотреть ему в глаза, без особых усилий содал пышные булочки и сахарное печенье. Альбрехт, не выпуская из ладони чашу с вином, машинально взял булочку, сказал со вздохом:

– Да, ваше величество, приходится мыслить масштабно. Вам бы только по бабам, а нам приходится спасать вашу шкуру. Заодно и свои, пусть не такие ценные, но почему-то нам дорогие.

– А еще и женщинам, – добавил я, – которым покровительствуете. У вас, поговаривают, больше всех? Уживаются как-то или же подсиживают и кукуют?

– Ваши как-то еще не подрались, – отпарировал он. – Я смотрел в протоколах, насчет принцев кое-что нашлось в регламенте. Правда, только о наследных. У родовых и возведенных свободы больше, как я понимаю. Так что, ваше величество, завидовать нехорошо, как вы говорили!

– Мне можно, – ответил я. – Император над законом, он гарант конституции. Потом объясню, а пока, ваше высочество, прорабатывайте разные варианты. Пусть сэр Норберт перестроит систему наблюдения за отдаленными коро-

левствами. Нужно провести дополнительный набор в королевскую армию, увеличить и усилить, затем разбросать своих людей по империи для усиления охраны причальных пирамид. В самых неблагоприятных и неустойчивых королевствах охрана должна быть только из наших северян.

Он наклонил голову.

– Да, удерживать легче, чем потом приводить к покорности, когда почуют вкус свободы.

– Вкус крови, – уточнил я, – а не свободы!.. Не передергивайте, сэра Альбрехт, в желании меня укусить, я и так искусанный и передернутый сверху донизу. И без вас чувствую себя сатрапом, но что делать?.. Мир не дорос до демократии с человеческим лицом, потому огнем и мечом без всякой жалости. Господь разберется, кто насколько был виноват.

Он наконец откусил булочку, нежная и сдобная, смялась в его челюстях, проглотил, почти не разжевывая, что там жевать, не мясо.

– А виноваты изначально все, – подтвердил он невесело. – Первородный грех у каждого, к тому же здесь все некрещенные... Так что действуйте, ваше величество, как вы раньше умели! Без сомнений и жалости. Здесь столько прекрасных городов, а вы еще ни один не сожгли! Не стыдно?

– Размяк, – признался я. – Действует на меня все это благолепие и безмятежность. Стыдно убивать тех, кто даже не понимает, за что их так.

– Предлагаете, – переспросил он, – в свободное время

проводить разъяснительные работы?

Я ответил с горечью:

– Рано. Они знают, что можно убить за украденный кошелек, но не поймут, что можно и даже нужно убивать за веру, идеи, взгляды, правоту... да за многое! Даже за то, что яйца разбивают с не того конца. Мы не можем поступаться принципами, мы же не демократы?

Он молча дожеввал булочку, цапнул другую, взгляд отстраненный и сосредоточенный.

– Значит, – произнес с сомнением, – никаких ретирад?

– Только вперед, – подтвердил я. – Мы же прогресс!.. Как те дикие варвары, что вторглись и разграбили богатый и культурный Рим. На самом деле они принесли более высокую культуру, хоть и неошкуренную, так и мы несем то, что оценят только потомки.

Он вздохнул, сделал глоток, взял еще булочку.

– Потомки могут и не оценить. И вообще, я хотел бы, как и все, увидеть результаты своими глазами, а не очами потомков.

– Увидим, – пообещал я. – Все ускоряется, сэр Альбрехт. Мы или сломим хребет этому старому миру лихой атакой рыцарской конницы, либо сломим головы! Правда, красиво?

– Правда, – ответил он с сомнением. – Да, правда... Хотя какая-то она, правда, не совсем правильная. Хоть и красивая. Может, пусть лучше наши враги сломят головы?

– Мы сами им сломим, – пообещал я. – Вы ешьте, дорогой

друг, ешьте!.. Я еще сделаю.

Он в задумчивости перевел взгляд на пустую тарелку, по которой машинально скреб, не глядя, пальцами.

– Что?.. Ох, простите, задумался.

– Ничего, – утешил я, – тоже иногда так задумываюсь, что край стола грызу.

Глава 10

Окна моих апартаментов, что справа, смотрят на здание, в котором расположено правительство во главе с сэром Джуллианом. Народ за своим правительством должен присматривать, чтоб не ленилось и не воровало, а так как государство – это я, то и народ – тоже я. Точнее, выражение его воли, пусть он об этом и не догадывается, но мы лучше знаем, что народ хочет, но не получит. А что народу на самом деле надо, то и дадим, как замыслил Господь.

Сегодня герцог Дарабос занес сводку по королевствам, что больше напоминает донесение военной разведки о вспыхнувших боях и сражениях почти по всей империи.

Я просматривал молча, только чувствовал, как начинает подергиваться верхняя губа, словно вот-вот покажет волчьи клыки.

Норберт наблюдал за мной молча, хотя вроде бы тоже смотрит в те же бумаги, следуя за моим взглядом, но он умеет видеть и то, что за спиной.

Я пересматривал листки один за другим и откладывал в стопку, наконец Норберт произнес мрачно:

– Ваше величество, вы правы... но лучше бы неправы!

– Что еще? – спросил я.

– В королевстве Мегольд, – сообщил он, – а это почти рядом с нашей Тетрингией, вспыхнула кровавая резня. За

трон, конечно. Хотя там еще не знают о вашем туманном сообщении... я о том, что Великие Маги как бы уже не... Видимо, полагают, что тем все равно, кто к моменту их выхода укрепитя на троне. Сейчас в кровавых битвах сошлись три могущественных клана. Горят города и села, улицы столицы завалены трупами.

Я со злостью ударил кулаком правой в растопыренную ладонь левой. Получилось смачно, словно впечатал в ком сырой глины, ощущение не понравилось.

– То ли еще будет!

– Война выйдет за пределы столицы?

Я пояснил:

– Кроме резни за трон, что дело вообще-то семейное, это пусть, не жалко, чуть позже вспыхнут войны и между королевствами.

– Да, – согласился он, – это помасштабнее. Раньше не допускали Великие Маги.

– Зато теперь воля и демократия, – сказал я, – а демократия всегда начинается с резни. Но потом устаканивается.

– Между королевствами начнется, когда из убежищ выйдут и короли?

– Точно, – сказал я. – Одни выйдут раньше, другие позже. И первые, как только узнают, что мир уцелел, а Великих Магов нет, попытаются хапнуть земли тех, кто задержался.

– Это будет нетрудно, – обронил он. – Когда пастуха нет, стадо разбредается.

– Но кроваво, – возразил я. – Господи, что я наделал!.. Верни все взад, я винюсь, не по злему умыслу, хотел как лучше...

– Благими пожеланиями вымощена дорога в ад, – напомнил он. – Это как раз о таких случаях. Хотели как лучше... Впрочем, мы прошли ад и разнесли там все, потому для вас придумают что-то другое, особое, ибо грехи ваши велики. Упомянул бы, что и заслуги тоже, но это похоже на лесть, а вам нельзя расслабляться.

Я незаметно пощупал большим пальцем колечко ускоренной регенерации на указательном.

– В ад не спешу. Возможно, что-то успею.

– А жизни хватит?

– Надеюсь. Нет, рассчитываю!

Он взглянул внимательно, вздохнул.

– Что-то припрятали в рукаве, ваше величество? Голос больно твердый и смотрите как-то вот так. Я направил в Мегольд всех свободных, хотя у нас и нет таких. Снял с менее важных. Нам остро недостает армии, что осталась на той стороне океана!

– Сегодня же займусь, – пообещал я.

Он хмыкнул.

– Может, сегодня же и привезете?.. Откланиваюсь, ваше величество.

Я прислушался к его удаляющимся шагам в коридоре, почему-то кажется, что если вот так буду неотрывно идти за

ним мысленно, то прослежу, куда вошел и что сказал, но от такого сосредоточения, несвойственного мне, тут же начинает болеть голова, будто я животное какое, которое заставляет решать тензорные уравнения.

– Карл-Антон? – спросил я в пространство. – У вас как?.. Или вы уже в пивной, как принято у творческих личностей?

В кабинет сквозь каменную стену ворвалась стая нагло каркающих ворон, сделала короткий круг под потолком и ринулась к полу. Я тупо смотрел, как сбились в плотный ком, что тут же превратился в Карла-Антонна с толстым фолиантом в обеих руках.

– Не из пивной, – определил я, – что удивительно для человека искусства, если магия – искусство, как вы нагло утверждаете, а не чистая наука. Вы что, библиофил? Или библиовор?

Он со вздохом облегчения опустил массивный том на край столешницы.

– Ух, зачем такие тяжелые переплеты из меди с оловом... В палец толщиной, видите?

– Это называется бронза, – ответил я. – Вы же человек искусства, должны восхищаться.

Он уточнил:

– Так алхимия ближе к науке?.. Во времена первого императора Гильдермеша верили, что чем толще переплет, тем надежнее удерживает заключенные в книге знания.

– Знания нужно беречь, – согласился я. – И охранять от

дафов.

Я указал ему на кресло, сам сел первым и откинулся на спинку, выказывая, что мы не на официальном приеме, формальности в жопу, мы же маги, нам этикет не писан.

Карл-Антон выглядит удовлетворенным, хотя лицо выдает усталость, даже изнуренность, то ли ночами устраивает оргии, то ли до утра сидит за книгами, разбирая старинные письма. Вообще-то, мужчинам подобное интереснее оргий, хотя мало кто в этом признается из боязни показаться не тем, кого уважают.

– Крупноватая у вас записная книжка, – сказал я. – Да садитесь же, дорогой друг! Кофе, вина?

– Не откажусь, – ответил он. – В самом деле, забыл позавтракать... да и не обедал вроде.

– И не ужинали, – досказал я. – Не поверите, но это знакомо. Приходилось, да...

Глядя бараньим взглядом в столешницу, начал создавать чаши с вином, а вместо жареного гуся, от которого на страницах останутся жирные пятна, появилось мое любимое сахарное печенье, наполовину в шоколаде, наполовину в глазури.

Чародей тем временем со звонким щелчком, словно ударила туго натянутая тетива арбалета, разомкнул цепочку, скрепляющую медные пластины переплета.

От верхней пошло оранжевое сияние, медь на глазах превратилась в золото, неспешно взвились желтые искорки и за-

плясали, как мелкие комарики, над столом.

Прозвучала тихая нежная мелодия. Я ждал молча, Карл-Антон с неодобрением покачал головой.

– Это уже излишество.

– Вся жизнь в излишествах, – напомнил я. – Думаю, раньше такой же дурью маялись чаще. Хоть и меньше.

– Почему?

– Были века изобилия, – пояснил я, – но их не ценили.

Вот и...

Он провел кончиком пальца по корешку, там блеснуло, как огонек электросварки. Стремительно высунулся красный язычок закладки, пошевелился, словно дразня.

– А это удачно придумали.

– Стандарт, – обронил я.

Он остро взглянул на меня.

– Для вас это привычно? Так и думал.

Я отмахнулся.

– Чутьочку проще находить нужное.

Страницы с мягким шелестом начали перелистываться на другую сторону. Я наблюдал молча, даже не сдвинулся, дабы не отвлекать чародея.

– В имперских архивах, – сообщил он, – отыскался фундаментальный труд с описанием амулетов, изготавливаемых в виде колец и перстней. Я мог бы и сам понять, что к чему, но уйдет уйма времени, лучше пользоваться готовым. Это же не творческая работа, ее нужно к минимуму.

– Ух ты, – сказал я ликуяще, – теперь все о них знаете?

– О немалой части, – уточнил он.

– А остальные? – спросил я.

Он улыбнулся.

– Время от времени находятся гении, создающие кольца с новыми свойствами. Это и есть творческая работа, что выше остальной. Когда-то и те талисманы попадут в такие труды. А теперь, ваше величество...

– Да-да, – спохватился я. – Вот они, наши ненаглядные...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.